

Виктор Минаков

ДОМ НЕВЕЗЕНИЯ

РАССКАЗЫ И ФЕЛЬЕТОНЫ

Виктор Минаков

Дом невезения.
Рассказы и фельетоны

«Издательские решения»

Минаков В. А.

Дом невезения. Рассказы и фельетоны / В. А. Минаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900075-0

Произведения, включенные в сборник, написаны по следам и под впечатлением событий, происходивших в 1985—2008 годы. Они адресованы тем, кто умеет читать: кто способен увидеть в написанном большее, увидеть за срубленным деревом лес, а также самих лесорубов. А это, по убеждению автора, — широкий круг современных читателей.

ISBN 978-5-44-900075-0

© Минаков В. А.
© Издательские решения

Содержание

Смекалка	6
Семин и медицина	8
Виртуоз совещаний	16
Сложное интервью	26
Приятель	28
Незаурядный водопровод	37
Рэкетирша	42
Как себя чувствуешь, бабушка?	49
Горечь от прошлого	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дом невезения Рассказы и фельетоны

Виктор Александрович Минаков

© Виктор Александрович Минаков, 2017

ISBN 978-5-4490-0075-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смекалка

Среди характерных примет Советского времени имеются и такие: парализующий страх перед властью и повсеместные многолюдные очереди. Очереди – за всем, начиная от пресловутых колбас и кончая детскими распашонками, очереди – везде, начинаясь с живописных берегов Сахалина и кончаясь за стенами Калининграда.

И хотя страна по производству товаров на душу своего населения находится «впереди планеты всей», эти самые души лучшую часть сознательной жизни прозябают в очередях.

До последнего времени очередей не было только за водкой. Водка была и дешевым, и доступным, и популярным товаром. Но вот очередной самовластный Кремлевский «дорогой наш товарищ...» решил отвадить народ и от векового пристрастия к выпивке. «Пьянству – бой!» – грянул грозный Указ, и моментально вокруг винно-водочных магазинов возникли необозримые очереди. Сюда торопились даже непьющие.

Зинаида Ивановна ждала в гости внука и потихоньку готовилась к встрече. Продумывала всякие мелочи, чтобы любимому чаду было комфортно. Только одно оставалось не ясным: как быть со спиртным? Она знала, что до Указа внук ее крепко сдружился с бутылкой. «Дай-то Бог, чтобы было сейчас по-другому... А как нет?.. Ох, и разобидится же...»

Своими сомнениями Зинаида Ивановна поделилась с соседкой, тетей Полей, такой же старушкой.

– Иметь про запас обязательно надо, – авторитетно сказала та, – но сразу ты не показывай, присмотришь сначала к нему. Увидишь, что заскучал, тогда и выставь. Но иметь – надо!.. А коли себе пойдешь брать, возьми и на меня бутылочку: доктор компрессы советовал делать, а нечем.

– Вот вместе и сходим, – оживилась Зинаида Ивановна, – неловко одной там стоять. Я пораньше займу очередь, а ты к открытию подходи.

Так они и решили.

Утром Зинаида Ивановна пришла к винно-водочному магазину, одному из трех, оставленных в городе. Там уже толпились хмурые, небритые мужики. «За мной, бабка, держись», – прохрипел ей один и назвал трёхзначную цифру – номер в очереди. Почти сразу старушка передала очередь крупной раскрашенной блондинке и торопливо ушла.

Снова она появилась здесь где-то за час до открытия магазина. Сотни людей заполнили улицу. Галдели. Ссорились. И вся толпа была похожа на крысу гигантских размеров, хвост которой, постепенно утончаясь, подергивался у массивной, закрытой изнутри двери. Люди, образовавшие хвост этой крысы, стояли плотно, затылок в затылок, схватив за локти стоявшего впереди.

В этой цепочке Зинаида Ивановна увидела блондинку, занявшую за ней очередь. С трудом пробравшись туда, старушка попросила разрешения встать на свое место. Блондинка дернула плечом недовольно и, не выпуская из рук щуплого мужичка слащаво запричитала: «Что ты, бабуленька, что ты, миленькая, ты здесь не стояла».

– Как же так? – растерялась Зинаида Ивановна. – Вы лично за мной утром заняли.

– Здравствуйте вам! – сменила тон женщина. – С тех пор уже пересчитались два раза!.. Иди, бабушка, занимай очередь снова.

Расстроенная Зинаида Ивановна пошла в конец очереди и рассказала все отыскавшей ее там соседке. Тетя Поля сердито нахмурилась.

– Ладно. Жди меня здесь, – сказала она, что-то надумав, и решительно нырнула в толпу.

Голова ее изредка появлялась то в одном, то в другом месте. Потом тетя Поля вернулась и, загадочно улыбаясь, встала рядом с Зинаидой Ивановной.

А по толпе пополз слух о какой-то проверке. «Проверять, говорят, будут – кто здесь стоит, – переговаривались в очереди. – Спекулянтов вылавливать будут и тех, кто вместо работы сюда пришел». . . . Беспокойство охватило и людей, стоявших возле старушек. Для многих известие было не из приятных, и его активно обсуждали.

– А если я, к примеру говоря, в отпуске, – горячился плотный мужчина с большим, потевшим форму портфелем, – мне что, тоже нельзя?..

– В отпуске – можно, – успокоила его тетя Поля. – Хоть весь отпуск здесь стой. . . . Только у тех, кто в отпуске, удостоверение спрашивают, отпускное. А нет его – забирают. Увозят на овощную базу картошку перебирать, там и разбираются – кто есть кто. . . . Отпустят, конечно, если правда, что в отпуске, – выждав немного продолжала она, коварно поглядывая на занервничавшего мужчину. – Как норму выполнишь, так и отпустят.

Люди вокруг притихли и внимательно слушали тетю Полю.

– Да вон, они, кажись, и приехали! – повысила она голос и показала на вставший неподалеку автофургон.

Слова ее эхом пронеслись по толпе, головы повернулись к машине.

Из кабины вылезли два рослых парня, трое ловко выпрыгнули из крытого кузова. Ребята коротко переговорили между собой и направились к магазину.

– Правду, похоже, болтают, – пробормотал отпускник с мятым портфелем и тотчас исчез.

По одному, по двое из очереди выскальзывали гибкие фигуры и быстро скрывались за углом. Но большинство выжидали, настороженно всматриваясь в приближавшихся парней. А они, на ходу перестраиваясь в шеренгу, ускорили шаг.

– И-ех, мама! – ударил по натянутым нервам чей-то надрывный отчаянный крик, и очередь бросилась врассыпную.

– Погоди-ка, папаша, – попытался остановить один из ребят захромавшего вдруг гражданина.

Тот замер. С глубокой тоской смотрит на молодого человека, громко икает и вдруг зайцем прыгает в сторону.

– Чумной, что ли? – смотрит ему вслед удивленный молодой человек. – Я только спросить хотел. . . . Что дают-то? – склонился он над старушками.

– Тс-с, – приложила палец к губам тетя Поля, – помолчи, сейчас все узнаем.

Дверь магазина в это время открылась, и те, кто остался, спокойно прошли к прилавку.

– Порядок! – довольно урчали ребята и рассовывали по карманам бутылки.

– А вы сами-то кто? – поинтересовалась Зинаида Ивановна.

– Слесаря мы, – охотно ответили ей, – ремонтники с аварийки. – Два магазина объехали и везде – глухо. . . . Ну, народ, значит. А здесь – полный порядок!

Зинаида Ивановна и тетя Поля, тоже довольные, вышли на улицу. Тетя Поля шла с горделиво приподнятой головой и торжествующе улыбалась.

1986 г.

Семина и медицина

Когда неизбежна встреча с врачами, я всегда вспоминаю о Семине и возвращаюсь мысленно в те времена, которые называют застойными. Кто придумал это название?!.. Нам, простым городским интеллигентам, застаиваться не доводилось. На нас висел план, нас посылали в колхозы, в совхозы, на овощные базы, на холодильники, на выхаживание новорожденных ягнят. Посылали туда, где не хватало грубых рабочих рук. А их не хватало повсюду. Какие для нас застои в то время! Крутились, как белки!.. Но я, кажется, отвлекаюсь.

Итак, Николай Васильевич Семин, наш уважаемый сослуживец. Человек он солидного возраста и во всем положительный и даже приятный: строен, не лыс, полное лицо его почти без морщинок. А свойства, недоступные глазу, и вовсе самой высокой пробы: передовик труда, сознательный платательщик взносов во всевозможные добровольные и не совсем добровольные общества, а в общество Красного креста и Красного полумесяца – и говорить не приходится. Мог заплатить дважды и даже трижды. Социально – значимых недостатков его мы не знали, была лишь одна, сугубо личная, слабость: Семин панически боялся врачей. Нет, не боль, которую причиняют они своими колюще-режущими и сверлящими методами лечения, а именно их, врачей, людей в белых халатах.

Когда родилось это чувство, Николай Васильевич не помнит, считает, что корни его уходят в далекое детство, но то, что оно обосновано и сейчас имеет право на жизнь, он готов доказать десятками свежих случаев, таких, по его словам, ярких, что разрешал будить себя для этого даже ночью.

По ночам его, естественно, не будили, днем тоже было не до расспросов, и долгое время странность Семина оставалась нам не понятной. До тех пор, пока он не поехал с нами в колхоз – нажим в том году был особенно мощным, послали почти половину нашей организации.

Разместили нас тогда в здании сельской школы, ставшим для горожан общежитием. Удобства все – во дворе, телевизор – в ремонте, по вечерам – скука. Со временем, правда, освоились: молодежь уходила куда-то на танцы, а мы, кто постарше, стали коротать вечера за рассказами и разборами различных историй. Лучших условий, для того чтобы поделиться своим наболевшим, излить, как говорят, душу, может и не быть больше.

И Семин такую возможность не упустил. Вначале он сказал, что страхи его имеют отнюдь не врожденный характер.

– Далеко в прошлое углубляться не буду, – предупредил он, – тогда и врачи неученее были, и аппаратура похуже. Расскажу вам о том, что происходило недавно... Лет восемь назад назначили мне ренографию – изотопное обследование почек. Другие методы не дают, дескать, четкой картины. Рена, по латыни, как я сразу узнал, – почка, наша, человеческая почка. Спросил я и про «...графию». «Введут вам, – говорят, – в кровь лекарство, и датчик покажет, через сколько минут почки выведут его из крови»... А место обследования – онкологический центр! Представляете?...

Семин обвел всех округлившимися глазами.

– Представляете, какие мысли сразу в голову лезут?!.. И меня одно это название бросило в дрожь. Мне говорят: «Вы не волнуйтесь, ничего страшного пока нет. Это же просто обследование». Просто! А почему именно там?! Будто нет таких же приборов в других местах!

Меня успокаивают, чтобы я не думал о худшем, а я не могу, представляете? Вижу, что не искренне говорят, по казенному. Чем больше так успокаивают, тем мне становится хуже.

Ну, ладно. Пошел. Дорогой раза два останавливался, думал вернуться. Но все же пере-сидел себя, явился туда... Возьтятся они, значит, со мной. Ввели изотопы, обложили датчиками, сижу... Вдруг слышу сзади: «Вот черт! За восемь минут они должны бы очиститься. А тут –

через пятнадцать не видно конца!» Это говорит врач, что за спиной у меня наблюдает за самописцами. Потом он опять кому-то, уже шепотом: «Все, хана ренам!» Представляете?!

Семин дышал тяжело и прерывисто, свое «Представляете!» он произносил свистящим трагическим шепотом.

– У меня внутри вдруг что-то оборвалось, – продолжил он, приложив ладонь к сердцу. – Плохо сделалось, не могу подняться из кресла. Помогли. Подняли, одели. Говорят что-то – не слышу. Потом с санитарями вывели меня к ихней машине. Врач усадил, говорит в дверцу: «Вы дома ложитесь сейчас и не вставайте. Заключение я вышлю урологу на участок, он вам назначит лечение». А я по глазам его вижу, что он уже хоронит меня. Про лечение – так, думаю, говорит для успокоения совести.

Николай Васильевич и сам, как было видно, заново тяжело переживал свое состояние при обследовании собственных почек, и во многих из нас пробуждал чувство душевного сострадания. Даже Петин, желчный, всегда чем-нибудь недовольный шофер-экспедитор, заинтересованно слушал его. Семин же продолжал свою исповедь:

– Два дня лежал дома неподвижно, как цуцик. Все ждал конца... Уролог тоже не приходил. Жена за свой счет отпуск взяла, сидит рядом. Достала где-то популярную энциклопедию по медицине и вслух мне про почки начитывает, а я слушаю и все симптомы возможных болезней у себя ощущаю. Представляете?! Сам уже был уверен, что почки свое отработали, и жену убедил. Охает, теща по комнате на цыпочках ходит... А я, уже сам, прочитаю страничку, сложу на грудь руки и чувствую – вот оно, начинается... Два дня так. На третий есть захотел. Встал. Поел. Опять лег. В голове завертелась процедура обследования, и тут я чуть ли не заорал – вспомнил: сестра же влила в меня этих изотопов треклятых целых две дозы! Один шприц выдавила, а счетчик молчит. «В вену, – говорит, – не попала». Давай второй шприц! Дак елки же палки, думаю, она, во-первых, мне две дозы всадила, а во-вторых, по-разному! Те, что в вену попали, может, через восемь минут и вывелись, но как уследишь? К этому времени могли и те подоспеть, которые она мне в мышцу вкатила – им-то время нужно, чтобы всосаться в кровь и добраться до почки... Я имею право так рассуждать?..

На его вопрос никто не ответил, и он сказал сам:

– Я посчитал, что – имею!.. Как был я небритый – на такси и в онкологический центр, в эту лабораторию. Врача разыскал, который обследовал. Говорю все это ему, а он, вижу, тушует. Как ахнет кулаком по столу. «Чего же она этого мне не сказала! Ах, она тля этакая!.. Конечно все перепутали! Нужно было ввести корректив в формулу!» И понес он сестру, и понес! Кроет ее чуть ли не матом, а толку?.. Ее же там не было. Кроме меня, никто его и не слышал... Минут пять он сотрясал воздух, потом говорит: «Хорошо, что документы еще не отправили, вот смеху бы было!.. Но все надо знать точно – что у вас с почками. Вы как, если сейчас повторно обследуем? Я страшно обрадовался. Какая там радиация, заражение! Чепуха по сравнению с тем, о чем они мне тогда намекали! А они все там в масках, в перчатках резиновых. Каждую пролитую каплю ваточкой подбирают. А мне уже все нипочем! Давайте, тороплю их, давайте! Мне-то еще важнее всю правду узнать!

Семин перевел дух и стал говорить немного спокойнее:

– Теперь он сам смотрел, как вводят лекарство. Сестра, понятно, другая. Сам усадил меня в кресло. Все ласково, как с ребенком... И точно – почки здоровые, работают так, как и надо. Врач извиняется за ошибку, за кадры, а я и не слушаю – от радости чуть не пляшу! На работе выговор за прогул обещают, а мне все равно – я здоровый!! Ходил, будто пьяный..

– А потом? – спросил Петин, лежа на койке. – Протрезвел?

У нас уже намечалась традиция, ритуал, проведения таких послеужинных откровений. Рассказчик обычно садится к столам, сдвинутым в центре класса, и, как бы беседует только с одним, подсевшим туда же послушать, но слушают все. Они, большей частью, развалились на койках и готовы уснуть, если скучно, но в дни, когда слово брал Семин, рано не засыпали.

– Потом?.. – повторил он вопрос. – Потом я стал думать.. Почему так случилось?.. Почему сестра, работая в таком ответственном месте, в вену не может попасть? Почему врачу не сказала о своем промахе? Почему ее не спросили? Почему мои документы в поликлинику не отправили? Я ведь три дня ждал уролога... И, знаете, – не хорошие выводы! Что-то в медицине у нас не срабатывает, что-то не так, как хотелось бы.

– Да-а, – протянул Петин. – Врачи у нас – не того... Платят им мало, может, поэтому?..

– А тут еще цены...

Разговор перекинулся на экономику. Поговорили о низком уровне жизни, дороговизне продуктов, искали того, кто виноват, не нашли. Выходило, что сами. Вконец запутавшись в этих дебрях, замолчали.

– И ты так просто все это оставил? – прогудел вдруг тренированный голос снабженца, возвращая всех к казусу с Семиным. – Я бы им душу всю вывернул наизнанку – такие опыты вытворяли над человеком!.. Радиацией накачали! Ты как с женой-то после того? Тебя они, часом, не заразили?

– Нет, нет, – торопливо откликнулся Семин. – Обошлось. Все в порядке, не заразили... Это в другой раз чуть было не было... Хорошо, что напомнил... Не поздно еще? А то расскажу...

– Рассказывай! – прозвучало сразу несколько голосов, и Семин начал:

– Попал я как-то под дождь и простудился. Боль в горле, кашель, насморк. Короче, все признаки простуды, кроме температуры. В этом и есть коварная подлость болезней: маскируются, задают такие загадки, на которых наши врачи и срезаются... Температуры нет, а я даже стоять не могу: слабость, голова кружится. Давай, говорю теще, звони в поликлинику, вызывай на дом врача... Приходит. Как сейчас ее вижу: молоденькая, худенькая, вежливая. Разулась в прихожей. Говорит, что она теперь наш участковый терапевт. Они у нас почти каждый квартал сменялись... Я выложил ей свои жалобы. Она прослушала меня, помяла живот, спрашивает про температуру. Нет ее, говорю. Она смотрит на меня, вздыхает и говорит:

– Что-то у вас есть, но без температуры я больничный выписать не могу.

– А вы мне дайте на сегодня только освобождение, по справке, – советую ей – дело было в пятницу, – субботу и воскресенье я отлежусь, поплюю чего надо, может, пройдет.

– Понимаете, – говорит здесь она, – по симптомам, которые мы наблюдаем, так могут начинаться любые болезни: грипп, гастриты, колиты и даже инфекционный гепатит. У вас, вон, белки с желтоватым отливом.

– А это не от обоев? – спрашиваю: в моей комнате обои были лимонного цвета.

– Возможно, – не возражает она, и опять за свое, – а вдруг не от них?.. Надо исключить самое опасное... Сделаем так: я напишу направление в провизорное отделение, вас там быстро обследуют, возьмут анализы, установят диагноз... И вы, и я будем спокойны... Поймите меня правильно, – добавляет она, – впереди два выходных дня, и если мы допустим ошибку, подвергнем опасности ваших близких... Лучше перестраховаться, чем недостраховаться.

Я понял все правильно, только спросил:

– А я не заражусь в этой больнице? Вдруг я здоров, в смысле гепатита?

Она посмотрела на меня так укоризненно, что мне стало стыдно. Говорит по слогам:

– Вы же поступаете в про-ви-зор-но-е отделение!

Я не знал, что такое провизорное отделение, но, по ее акценту на этом слове, понял: это что-то мудрое, значительное в медицинской системе и сомневаться, действительно, глупо.

Я сказал, что согласен, и она ушла, говорит в дверях, что теперь она успокоилась.

Я стал потихоньку собираться, чтобы ехать в больницу. Пока раздумывал, в чем ехать, да чего с собой брать, в дверь позвонили.

Открываю, стоят три могучие бабы, все в синих халатах. У одной – ведро какое-то, аппарата, как деревья опрыскивают. В квартире сразу – запах лизола, я его еще с холеры запомнил.

– Где больной? – спрашивает та, что с ведром, и командует. – Быстро: постель, личные вещи больного! Самого срочно в машину!

И готовит свой аппарат к действию. Две другие двинулись в комнату.

Я уже понял, что будет дальше, руки расставил, перекрыл им дорогу, пробую объяснить:

– Погодите! Послушайте! Нет здесь никакого больного! Это недоразумение!...

Посмотри-те, что врач написал в направление!

Меня стараются сдвинуть, но я держусь, уперся в косяк. Тогда та, что с ведром, спрашивает:

– Вы кем работаете?

Я ответил.

– Так вот. Вы найдите свою работу, а мы знаем свою. Не мешайте нам, а то милицию вызовем!

Я им опять:

– Или вы меня выслушаете, или я вас отсюда повытолкаю! Увидите, какой я больной!

Проняло. Стали немного потише. Я им рассказываю о разговоре с врачом, а они мне свою бумагу суют. В ней четко написано – госпитализировать заразного больного. Моя фамилия, адрес.

– Ошибка! – я чуть не реву, а они стоят на своем.

Потом стали искать выход из положения. С ведром которая – она, видимо, старшая, – говорит:

– Вы сейчас спускайтесь в машину – вам все равно ехать надо, мы подвезем. А нам дайте что-нибудь из вещей, одеялку какую-нибудь, мы ее возьмем в обработку, а жена потом заберет.

Я понял – это им нужно, чтобы дело закрыть, для отчета. Предложение, вроде, разумное в такой ситуации. Теща достала им старое одеяло, и мы вместе пошли вниз.

Машина была с красным крестом, но не «Скорая помощь», не белая, а какая-то темная. Когда соседка у нас умерла, ее на такой в морг увозили.

В машине они снова – сухие, официальные. Я опять уже боюсь их, не верю, спрашиваю, туда ли меня везут, что такое провизорное отделение. «Узнаешь, – отвечают, – на месте!»

Подвезли к приемному отделению инфекционной больницы, той, что за городом, ее тогда год, как открыли. Врач там, мужчина в годах, осмотрел меня и сказал, что инфекционное заболевание маловероятно, но все же велел переодеться в больничное. Мешок для домашних вещей мне дает и пишет направление в отделение.

– Лучше пере..., чем недо..., – повторил он слова терапевта, это у них, как я понял, в виде формулы действия, – Сейчас, – говорит, – вспышка болезни Боткина. Чем раньше ее обнаружишь, тем лучше.

– А когда установят точный диагноз? – спрашиваю его.

– В течение недели. Дней через пять – семь все будет ясно.

Вот те раз, думаю, вот так быстренько! На мои опасенческие вопросы врач ответил:

– Заражение здесь исключено: мойте почаще руки, а где поместить – решат в отделении.

– Если мытье рук – гарантия от инфекций, – говорю я, – можете отпускать меня сразу!

Не было случая, чтобы я позабыл вымыть руки.

– Надо остаться, – не соглашается он. – Если вас сюда привезли с подозрением, кто же возьмет ответственность на себя отпустить без проверки?

Ничего не скажешь – логично.

Он позвал мужика – санитаря и велел отвести меня в отделение.

– Ну, Семин! Ну, ты – воще! – воскликнул здесь Петин. – Тебя, как безвольного, прямо к яме толкают!

– И столкнут! Я чувствую! – подхватил эту мысль Николай Васильевич. – Как сговорились!.. Я часто думаю: нет ли здесь умысла? Да нет, не должно: и врачи разные, и клиники... Да и причины, кажется, нет – никому ни разу плохого не делал. Глупо усматривать преднамеренность, а все же... Что-то все-таки есть...

– Есть то, что все мы везде одинаковы, – вмешался снабженец, – отрубил кое-как свое рабочее время и – баста! Везде сейчас так! Зарплата идет за присутствие на работе, а не за работу!.. Ну, ладно. Дальше, что было? Рассказывай!..

– А дальше так... Пошел я, значит, с мужиком в отделение. Это в этом же здании, на втором этаже. Он передал меня дежурной сестре, врачей уже не было – вечер; она посмотрела в какие-то записи и говорит мне: «Пошли в седьмой бокс». Пошли. В коридоре – ни человек, на дверях снаружи задвижки, как в тюрьмах. Она одну отворила, и мы вошли в комнату. Меня сразу поразил запах – спертый, вонючий. Окна все позаклеены – уже к зиме приготовились.

В комнате – четверо пацанов. Играют за столом в карты. Стол не нормальный – низкий, широкий, похож на топчан. С краю под ним – банки с мочой и калом: для анализов, вероятно, только почему вечером?.. В этой же комнате, почти в центре, был унитаз, рядом – умывальная раковина, за ней – снова топчан и раздвижная ширма – это, как я потом уже понял, – для клизм.

Картежники были голы до пояса, и все – как из бронзы отлиты.

Сестра ведет меня дальше – там еще одна комната, на восемь кроватей. В ней – трое ребят. Двое, тоже бронзовых, сидят на кроватях и чего-то жуют. Третий – спит под не свежей простынкой.

Сестра показала мне на кровать, буркнула: «Располагайся» и ушла. Я слышал, как на двери лязгнула задвижка. Все быстро так обернулось, я только спросил: «Почему запирают?» Сейчас понимаю – смешно!

– А как же, – отвечает мне с кровати один, – чтобы не выскочили. Инфекция.

Быстро порасспросив ребят, я понял, что попал не в какое-то там провизорное отделение, а в самую гущу заразы, в палату с самыми настоящими гепатитчиками. Они – школьники. Работали, как сейчас мы, – в колхозе, и заразились – пили сырую воду.

Я тут же начал ломиться в дверь из этого бокса. Пацаны бросили карты и испуганно уставились на меня. На грохот кто-то подошел к двери с той стороны и спрашивает: «Чего тебе?»

– Вы ошиблись! – кричу. – Меня надо в провизорное отделение, а вы меня прямо к больным! Я здоровый! Я здесь заражусь!

В панике я кричал еще что-то.

– Не заразишься, – сказали за дверью. – Не целоваться же с ними ты будешь. Никаких провизорных палат у нас нет. Больным едва места хватает... Брось шуметь, говорю!... Завтра будет врач, с ним и решай свой вопрос!

Ребятишки тоже стали меня успокаивать: «Ты, дядя, не бойся, ты не первый здесь так: пока мы лежим, уже двоих клали сюда на обследование».

– Неделю продержали и выпустили, – уточнил самый старший.

– Нет, они сейчас в третьем боксе лежат, – поправляет другой, но первый его не слушает.

– Вот и Володя тоже обследуется..., – он показал на розовощекого пацана, который, когда меня привели, лежал на кровати под простыней, я его поднял своим шумом. – Его два дня назад положили...

– А вы? – спрашиваю у других.

Они, оказывается, прибыли сюда уже точно с желтухой. Один лежал десять дней, другой – десять, потом – двадцать и больше...

– За сколько же время излечивают эту болезнь?

– По норме – за двадцать один, а у нас она затянулась... Может, по второму кругу пошла? ... Вот, на которое место вас положили, так он больше сорока дней здесь лежал.

Видя, как ребята лихо щелкают картами и мусолят пальцы, я думал: «Если эта болезнь способна возвращаться, ребятам отсюда не выбраться и во век!.. А розовощекий Володя обязательно пожелтеет»...

Время будто остановилось. Ребята убивали его игрой в карты. Больше делать там нечего: радио нет, телевизора нет. У ребят все же – занятие. А я?.. Я посмотрел на кровать, которую отвели мне, на ней, точно, уже кто-то валялся, наверно, один из ребят. Рядом с кроватью – тумбочка, на ней и внутри – старые газеты, корки хлеба и тараканы. Здоровенные, как созревшие желуди. Смотрю на все это и думаю: «Наверняка здесь кучи бактерий копошатся!» Боюсь братья за ручки дверей, за краны, кровать, тумбочку. Нам через амбразуру в стене подали ужин, я не мог его есть, не дотронулся даже.

Ночь была кошмарной. Лечь я боялся – черт ее знает, какая это постель?! Ну, поменяли, думаю, они простыню, наволочку... Матрас – тот же, на нем до меня десятки лежали, если не сотни. Не все же они, наверно, такие, как я – недотепы!.. Как я проклинал тогда свою доверчивость и наивность!

Чуть стало светать, я опять начал высаживать дверь. Стучал, покуда не появился врач – до него дошло, кажется. Перевели сначала в коридор, потом в другую палату, сказали, что «чистая».

Три дня я в ней был в одиночестве. Никакой «желтухи» у меня не оказалось, конечно, однако целых два месяца – весь инкубационный период, я всматривался в зеркало со страхом... Но повезло – тогда выкрутился...

Зашел потом к своему терапевту, специально зашел, рассказать, как все обернулось. Она краснеет, лепечет только: «А нам говорили, а нас так учили...». Она институт недавно закончила, и знает только – как должно быть, а – как есть, еще не освоила... Ну, скажите, как ее не бояться такую?!..

– Впрочем, старые врачи тоже не лучше, – подумал и заключил Семин. – У тех заботы перебивают ответственность. Семья, дети. Тебя выслушивает, а у самой в голове... Рассеянность может быть хуже незнания.

И он рассказал нам про то, как ему вырезали шишку при местном обезболивании, не проверив реакцию его организма на новокаин.

– Вырубился моментально! Потом чувствую, как меня по щекам хлопают, и голос изда-лека-далека: «Отходит, кажется, губы начали розоветь». Глаза открыл, а вокруг – вся больница. В вене – игла: капельницей из шока выводят! Чем не покушение на жизнь?!..

– Шишку-то вырезали? – спросил практичный снабженец.

– Вырезали. Хирург, та свое дело сделала. Она ж не за анестезию отвечает, а только за шишку. Резала, пока надо мной другие возились. И заштопать успела и сама вымыться. У нее задача – шишку отрезать, хоть с трупа!

После колхоза мы дружно наверстывали упущенное по работе и думали над загадкой: считать ли за мудрость начальства то, что оно сделало с нами – остановило на месяц работу, а план оставило прежним. Когда стало понятным, что мудростью здесь и не пахнет, что план нам не вытянуть, энтузиазм заметно упал. А тут прошел слух, что у Семина опять что-то стряслось. На этот раз что-то с зубами. Он ходил хмурый и раздраженный, несколько раз отпрашивался с работы и возвращался еще мрачнее. «Опять попал в переплет!» – сообщил Петин, и мы, четверо из тех, что были вместе в колхозе, затащили Семина в пустовавший кабинет секретаря партийной организации и прямо спросили, что с ним сейчас происходит?

– Зубы, – ответил он удрученно. – Знаете, как болят зубы?!.. Пошел к врачу – а что делать?! – усмехнулся он грустно, – Говорит – удалять надо. Я согласен, давай, говорю, удаляй.

Скорее только – совсем мочи нет. Врач – парень здоровый. Думаю: враз вытащит, только бы челюсть не вывернул. Он сразу за шприц. И вот, когда он крутанул иглой перед носом, я вспомнил! Схватил его за руку, спрашиваю:

– В шприце у вас что?!

– Как это что? Обыкновенное. Новокаин...

Меня аж в пот бросило.

– Нельзя мне его, – говорю. – Новокаин мне нельзя.

А он смеется: что, дескать, уколов боитесь?

Я ему рассказал про тот случай с шишкой. Смотрю – он теперь сам испугался. Пытается закурить прямо тут, в кабинете. Зажигалкой щелкает, а руки дрожат. Хорошо, что сказал, говорит, здесь бы тебя не вытащили, как там, – нет условий, так бы и ушел в кресле. Успокоился чуть и спрашивает:

– Ну, что делать-то будем? Чего вы переносите?

– Не знаю, – говорю. – Новокаин нельзя, это точно. А что можно – не знаю.

– Тогда вставляйте.

Пошли мы с ним назад, к двери. Там у них что-то в виде приемной. Написал он на бланке чего-то и говорит:

– Вот направление к аллергологу в областную больницу. Вас там обследуют, и вы будете официально знать, что вам можно вводить, а что не показано.

Нужно обследование! А у меня голова от боли раскалывается!

– Долго это? – спрашиваю. – Сегодня сделают?

– Должны... Мы работаем до половины восьмого, можно и с удалением зуба успеть.

Мне еще тогда, после той операции с шишкой, сказали, что врач обязан спросить, какие я лекарства не переношу. А этот сразу – колоть! Забыл, наверно... Кроме этой забывчивости, у него обнаружилась и некомпетентность.

– Городских мы не принимаем, – сказали, как только показал я в регистратуре его направление. – Обращайтесь в городскую поликлинику.

А она в другом конце города! Я стал просить, унижаться – ни в какую! Стоит там девчонка сопливая – городских не берем, и все тут!

Я решил – к главврачу: терпенья же нету! Пока рыскал по коридорам, искал, где его кабинет, увидел дверь: «Аллерголог». «Ах, черт!», – думаю, и – в нее. Смотрю – врач одна в кабинете. Я извинился, объяснил, почему я пришел, а она: «Мы по лекарственным препаратам не даем заключений, они чего там, не знают?» Вот тебе и компот!.. У меня ж направление! Сую ей его. «Вот, – говорю, – смотрите: на стандартном бланке написано! Он туда только фамилию мою написал!» Она мне свое – не делаем мы проб на лекарства!

– Поймите! – убеждаю ее. – Если они наобум будут вводить, может опять быть не то. Раз организм не переносит одно, он и другое может не переносить!

Требую, возмущаюсь, а ей – как до лампочки! Талдычит одно: не делаем да не делаем. Потом, чтоб от меня отвязаться, взяла мое направление и написала на обороте, что пробы на лекарства не делают. То есть, то, что она мне говорила, все написала, и уже твердо на дверь показывает.

Пока я с ней спорил, не чувствовал боли, а как вышел – она втрое сильнее! Я опять в зубную. Дорогой думаю: «Черт с ними, пусть что хотят колют! Доза-то там не большая, авось, выдержу.

Приехал туда. «Коли! – говорю врачу. – На мою ответственность! Могу дать расписку!»

А он – ни в какую! Загнешься еще здесь, говорит, мне это совсем ни к чему. И начал такие страсти рассказывать про случаи, что у них были от непереносимости лекарств, в такую панику вогнал, что я опять перестал боль чувствовать... Вот ведь какой специалист! А сначала безо всяких сомнений хотел всадить мне этот проклятый новокаин!

– Что же делать? – спрашиваю я у врача.

– Давайте попробуем под общим наркозом?...

«Ну, нет, – думаю. – Вы надо мной, над бесчувственным, что угодно учудить сможете!.. Потом, из-за зуба – наркоз?! Чепуха да и только!»

Ушел я – не сговорились.

– Ну и как ты теперь? – спросили мы Семина, когда он, морщась от боли, закончил рассказывать.

– Не знаю, – признался он обреченно. – Ума не приложу...

Я не помню, чем тогда закончилось дело с зубами, но с тех пор понятие «медицина» у меня всегда сочетается с образом Семина, человека, утонувшего в медвежьих объятиях нашей лекарской братии.

1988г.

Виртуоз совещаний

Редкий молодой человек сможет объяснить сейчас разницу в смысле понятий: собрание, заседание, совещание... Почти исчезли они из современного обихода. А были ведь времена, когда в любой, даже в самой захудалой организации, на видных, специально отведенных местах красовались разноформатные объявления: «Общее собрание коллектива», «Партийное собрание», «Комсомольское собрание», «Заседание месткома», «Совещание молодых специалистов»... И так далее, и тому подобное.

И в распорядке каждого из этих мероприятий заключена особая тонкость.

Большим любителем совещаний был в тот период Гурий Львович Ковров, генеральный директор объединения «Служба быта». Он был глубоко убежден, что только они и есть самая эффективная форма работы руководителя его ранга.

Собраний Гурий Львович не выносил уже потому, что ходами в их проведении управлял не он, а там же избираемый председатель. И хотя с ним всегда согласовывали повестку собраний, регламент, кандидатуру на роль председателя и списки тех, кому дадут слово, все на собрании ему казалось – не так. Он нервничал, вмешивался, пытался подправить и утомлял себя этим до крайности... Потом – поведение рабочих... С рабочими Ковров любил разговаривать только у себя в кабинете, в часы приема по личным вопросам. В кабинете они – тихие, угодливые, на собраниях – крикливые и многословные.

– Я чуть не умер от этого сборища! – жаловался как-то Гурий Львович после собрания. – Дорвутся к трибуне и – ля-ля-ля, ля-ля-ля! Оторвать невозможно! Чушь такую несут: на два слова смысла не наберешь!.. А всех надо выслушать, всем ответить после по существу. А как же! Собрание – высший орган, черт бы его побрал!

Любой предлог Ковров считал для себя уважительным, чтобы не присутствовать на собрании, и посылал туда своих заместителей. Но он всегда знал: кто, что и как говорил в выступлении. И если там что-то его задевало, реагировал моментально: на другой же день назначал совещание и давал волю своему возмущению:

– Ну, нахал! – гробил он однажды управляющего строительным трестом, попросившего погасить строителям долг за создание производственной базы. – Я еще не встречал такого нахала!.. Он берет с базы все! Лес, цемент, щебень, кирпич, шифер – все! Все отпускаем ему по божеским ценам!.. Почему он не берет в другом месте?!.. Дорого! Ему бы, если он порядочный человек, предложить мне: забудьте, Гурий Львович, про эту задолженность, ведь я пользуюсь услугами базы, а он – вон как! Ну, нахал! Он знает, что у нас с финансами плохо, и вон как закручивает! Даже я, при своей мудрости и сообразительности, не мог бы додуматься до такого!

Такие же или более оскорбительные слова раздавались по адресу каждого, кто осмелился прогневить Гурия Львовича своим поведением на собрании.

На совещания, где подвергались разбору вчерашние выступления, незадачливые ораторы предусмотрительно не приглашались, зато всегда здесь присутствовал весь аппарат управления. В воспитательных, так считал Ковров, целях. И такое воспитание давало плоды: на собраниях с критикой выступали только рабочие. Им гнев генерального директора был не особенно страшен.

Собрания в «Службе быта» случались исключительно редко. Совещания, или как их еще называли – планерки, дело другое – почти каждый день, а то и в день по два. На них Гурий Львович хозяйничал безо всяких регламентов!

Все совещания можно было условно разделить на две категории: плановые и спонтанные, то есть те, которые вызваны личностными позовами Гурия Львовича. Люди, хорошо знавшие Коврова, называли это потребностью сбросить лишнюю желчь и покрасоваться в кругу подчиненных.

Плановые – рассмотрение различных проектов, планов, отчетов требовали предварительной подготовки участников, и о них они извещались заранее.

Спонтанные – возникали непредсказуемо, как прыщи.

– Собери мне директоров на три часа! – давал команду Ковров секретарю перед обедом, и очень был недоволен, если кто-то прибывал с опозданием или при ответе ссылался на отсутствие при нем данных.

– Я тебя не спрашиваю, как обстоят дела с пуском ракеты в сторону Марса! – заводился сразу же Гурий Львович. – Хотя и об этом в общих чертах ты знать обязан! По своему служебному положению! Я задаю конкретный вопрос! По твоей работе!

На плановых совещаниях некомпетентность считалась абсолютно недопустимой.

Объединяло эти две категории совещаний одно – на любом из них Гурий Львович изощрялся в приемах самовозвеличения.

Известно, что возвыситься над другими можно, следуя по двум направлениям: или самому заслуженно приподняться, или же поставить на колени другого. Второму маршруту Ковров отдавал предпочтение и достигал при этом непревзойденного мастерства.

Быстрый и нужный эффект обеспечивался тогда, когда люди в его кабинете терялись в догадках: зачем их сюда так срочно собрали? Не всегда мог объяснить это и сам Гурий Львович, но он-то, конечно же, не терялся.

– Ну, давайте выкладывайте, – грозно обращался он к подчиненным, – у кого есть какие вопросы?!.. Как это – нет вопросов?!.. Нет вопросов – значит нет мыслей!!! Я вас вызвал сюда, чтобы работать, раз вы сами недорабатываете!.. Вчера задержался до шести в исполкоме. Приехал сюда в начале седьмого – в любом отделе ни единой души! Всех как ветром сдуло! На предприятия позвонил – тоже ни одного нет на месте! Все разбежались, как тараканы! Что, все дела переделали?!.. Я найду вам дела!

И Ковров начинает загибать пальцы, перечисляя вопросы, которые, по его мнению, должны решать подчиненные. Иногда загибал он такое, что они переглядывались недоуменно.

– Что?! – кричит Гурий Львович. – Не находите у себя этого поручения?! А разве оно не вытекает из сегодняшнего состояния наших дел?!.. Да, я не давал этого поручения! Но неужели я должен указывать каждый ваш шаг?! А где собственная инициатива? Где мои замы? Где весь аппарат, наконец?!.. Почему они не помогают мне?!.. Марченко! – называет он вдруг фамилию начальника строительного управления. – Не работают ваши бетонщики на строительстве швейной фабрики! Ходят друг за другом, как сонные мухи! Не протрезвели еще после выходных дней! Им сейчас не бетон подавай, а рассол! Прямо из бочки! Тогда они придут в себя... к пятнице, а с понедельника – опять то же самое! Эх, Россия!..

Ковров обреченно машет рукой, но тут же спохватывается:

– Но и в такой обстановке надо работать! Надо чаще бывать на объектах! Почему я вижу, что там бездельничают, а вы об этом не знаете?!

И совещание входит в свою обычную колею. Ковров продолжает обвинять Марченко, тот пока молча переживает, но как только в голосе Гурия Львовича появляется хрипотца, и он заказывает секретарю новый стакан чая, Марченко говорит:

– Как мне там появляться? Я имею в виду – на объекте. Материалов – нет! Товарный бетон просили еще неделю назад, а где он?

Лукавый строитель направляет острие критики на снабженцев. Снабженцы возмущены, но Ковров уже на стороне Марченко. Его нападки на начальника строительного управления были вызваны не только заботой о новостройке. Уже вторую неделю на даче Коврова работала

бригада строителей, и он захотел выяснить: не повлиял ли сей факт на поведение Марченко, не возомнил ли он бог весть чего о себе. Марченко вел себя грамотно.

– Он прав! – осаживает Гурий Львович снабженцев. – Где его вина – я сказал! А сейчас – прав он!.. И запомните: здесь прав тот, кто делает план! Остальные – помощники! Снабженцы – в первую очередь! А кто думает по-другому, прошу высказываться!

Ковров держит театральную паузу, но никто, естественно, не возражает. Многие знают, почему Гурий Львович принял сторону Марченко и завистливо смотрят на его цветущую физиономию.

Отчитав Марченко и снабженцев, Ковров обрушился на энергетиков. За ними пошли директора предприятий, его заместители, другие работники аппарата. Никто не избежал порицаний, каждый получил свою порцию «березовой каши», каждому пришлось опускать стыдливо глаза и пригибать свою голову.

К концу совещания Гурий Львович самовлюбленно сверкал глазами: вот каков я, руководитель объединения, – мудрый и дальновидный, и вот кто вы все – ленивые недоумки. И если б не я, такой всевидящий и неутомимый, все объединение пошло бы по миру, как побирушка!

Чтобы не быть обвиненным в отсутствии мыслей, кое-кто имел наготове дежурный вопрос, но и тогда Гурий Львович не спускался с командирских высот.

– Ишь, вы какие! – гремел его голос. – «Почему, Гурий Львович, это? А почему это?».. Это я вас должен спрашивать – почему?!.. Вы что думаете, это Гурий Львович допустил до такого?!.. Да! Правильно! Это я допустил! Не спрашиваю с вас так, как надо! Я добрый к вам слишком!.. Теперь будет все по-другому! Я определяю себе роль контролера, а вы – исполнители! Бегайте!.. Бегать будете все, включая моих заместителей! Я за двадцать шесть лет моей работы в этой системе набегался, хватит! Я имею столько ума, что ваш ум мне не нужен! Мне нужны исполнители!.. Алешин! – Ковров поднимает директора подсобного хозяйства. – Докладывайте, как у вас со строительством молочного цеха?

Директор рывком поднимается и торопливо перечисляет основные этапы строительства. Выглядит все очень неплохо: средства освоены, работы ведутся с опережением графика.

Гурий Львович, наклонив в сторону голову Алешина, слушает и барабанит пальцами по столу. Он недоволен – не показана роль его, генерального директора. Надо поправить. С трудом дотерпев до конца доклад, Ковров говорит:

– У вас все так обтекаемо получается: вышло решение, отвели участок... Оно что, это решение, само собой родилось?! Сейчас за античный профиль и голубые глаза ничего не делается! За всем этим стоит труд! Мой лично труд!.. Сколько раз я был в обкоме у первого по вашим вопросам?!.. Что значит – нам выделили два охладителя?!.. Их на всю область выделили только два!.. Предагропрома со вторым секретарем уже распределили их!. Вчера мне второй звонил, упрекал – зачем я пошел сразу к первому. Давай, говорит, компромисс – эти охладители отдадим гормолзаводу, а в четвертом квартале поступят еще – эти, дескать, тебе. Фигу!!! Пусть попробуют теперь отменить решение первого!.. Вот, чего нет в твоём докладе, уважаемый товарищ директор!

Ковров явно наслаждается своими словами.

– А мы молочный цех построим в этом году? – осторожно спрашивает его парторг.

Ковров моментально уловил скрытый упрек в этом вопросе: «Захапал дефицитное оборудование, и ни себе ни людям». Глаза его зловеще сощурились.

– Успеем! Я шкуру спущу с каждого, кто посмеет сорвать эти сроки!.. Назовите мне человека, кто помешает мне это сделать!.. Ты, Марченко?.. Ты Алешин?!.. От вас теперь все зависит! Давай, крутите! А я оставляю себе роль контролера!.. Но помните: я – активный контролер! Вмешивающийся!

Если дежурный вопрос заготовил кто-то из аппарата, Ковров реагирует тоньше:
– Кому, по-твоему, надо дать поручение, чтобы сдвинуть с места эту проблему?
– Не знаю, – теряется управленец. О том, здесь что нужен уровень генерального директора, он сказать не решается.
– А что, если мы тебе ее и поручим? А?.. Через месяц доложишь нам, что все сделано, что готов приступить к выполнению нового поручения!
Аппаратчик в отчаянии:
– Это не мой вопрос, Гурий Львович! У меня уже все запланировано...
– А ты запланируй и это! – пресекает Ковров. – Все! Решено!.. Прошу отразить в протоколе!

Никогда и никому из работников «Службы быта» не удавалось озадачить Коврова. Любую проблему он мог вывернуть наизнанку.

– Чего вы здесь выносите на планерку?! – разносит он директора швейной фабрики, попросившего прислать к нему учащихся ГПТУ. – У него, видите ли, свои специалисты разбегаются! И вы думаете, что этим все объяснили?!.. Что значит – специалисты разбегаются?!.. О каких специалистах вы говорите?!.. О тех, что набрали на новую фабрику?

– Они, Гурий Львович, – вздыхает директор.

– Разбегаются потому, что строите долго! Что, опять Ковров виноват в этом?! А вы где?!.. Ждете готового?!.. А почему эти кадры не разместить на действующем предприятии? Почему не организовать вторую смену?!.. Молчите?!.. Вы думайте, когда со мной говорите! Я прожил много, я – стреляный воробей! Сами не думаете, а у нас крадете драгоценное время своими частностями!.. Садитесь!

Ковров возглавляет «Службу быта» давно, и потому считает вправе добавить: «Ты еще молодой директор, и ты должен работать так, чтобы завоевать авторитет в коллективе! И у меня тоже! Что, кстати сказать, очень немаловажно!

Все планерки – и плановые, и внезапные начинались по давно установленной схеме. Люди, вызванные на них, долго выдерживаются в приемной в ожидании звонка генерального – приглашения в его кабинет. Звонок, всегда резкий, бьет бичом по натянутым нервам. Каждый сразу стремится придать себе деловой озабоченный вид и прошмыгнуть на укромное место, не привлекая внимания придирчивого хозяина кабинета: ничего хорошего такое внимание никому пока что не приносило.

Ковров молча внимательно наблюдает как все рассаживаются. В эти минуты секретарь подает ему чай, Гурий Львович с шумом отхлебывает глоток и произносит начальные фразы.

Говорили, что в молодом возрасте Гурий Львович был очень собой недурен: высокий, стройный, светлоглазый, с черной волнистой шевелюрой. Имея состоятельных родителей, он и в институте, и после него – всегда носил модную и дорогую одежду, и это сыграло не последнюю роль в его успешной служебной карьере, хотя пост генерального директора самого хлопотливого областного объединения он считал для себя незаслуженно низким.

Ковров не таил своих притязаний на руководящие места в исполкоме, а позже – и в администрации области, но первые лица не хотели иметь рядом с собой человека, известного сварливым характером, И Гурию Львовичу оставалось демонстрировать свой невостребованный потенциал только в обществе подчиненных.

Излишняя желчь и постоянное недовольство – превосходные разрушители организма, и после шестидесяти от былой импозантности Гурия Львовича остались только воспоминания. Он сделался сутулым, худым, с впалой грудью и дряблым, отвисшим, как груша, животом. Нос его вытянулся и заострился. Седые волосы, короткие от еженедельной стрижки, всегда топорщились, как иголки, резко обозначились скулы, цвет лица приобрел сероватый оттенок,

и вся голова его стала похожа на сердитого ежика, подозрительно принимающего к чему-то. И стоило Гурию Львовичу занять свое кресло с гнутыми подлокотниками, поставить на стол длинные худые руки, как сразу начинало казаться, что старый, раздраженно-настороженный ежик забрался на раскорчеванный пенек и пугает людей угрожающим фырканьем.

Подчиненные Гурия Львовича притерпелись и к его брюзгливому виду, и к постоянным придиркам, и к томлению в приемной перед унижающей достоинство встречей с сидевшим в кабинете Ковровым, и когда однажды этот набор неприятных спутников совещаний оказался неполным, люди заволновались.

В дни планерок, назначенных на утро, Ковров приходил рано и сидел в одиночестве в кабинете, не общаясь ни с кем, кроме как по телефону. В тот день в управлении его не было, хотя до десяти часов – времени начала совещания – оставались считанные минуты.

В приемной уже давно было много народу, практически все приглашенные. Отсутствие Коврова всех тревожило: не связано ли это с непонятной всем перестройкой, которая, по сути, оборачивалась полнейшим развалом? Ломались общественные устои, становились ненужными люди и предприятия, и всюду звучали непривычные уху слова: предприимчивость, предпринимательство, бизнес...

Не менее получаса Силаев, директор обувной фабрики, разъяснял столпившимся возле него коллегам свое понимание новой политики, нагоняя при этом на них страху:

– Все будет так, как сегодня у капиталистов: каждый сам по себе. Чем хочешь, тем занимайся... А чем заниматься, когда все кругом уже порасхвачано?!.. Вот и идут на самое невероятное... Я видел фильм как раз по этому случаю...

Силаев имел авторитет у бытовиков, так как учился когда-то в одной школе с Ковровым, и тот не так часто отчитывал его и унижал на планерках.

– Так вот, – продолжал директор обувной фабрики, – плывет, представляете, пароход, громадный лайнер. Из Европы в Америку. На борту – народ. Миллионеры, миллиардеры. С дамами... Ага... За лайнером – стая акул. Ждут: может, бросит им кто съестное, или, может, сам кто сорвется. Идут за лайнером прямо до берега. И вот в одном порту местные жители приспособились выколачивать деньги из этих миллиардеров разными трюками возле акул. Больше никаких возможностей у них не было – все безработные... Так вот, только лайнер подходит к порту – навстречу ему вылетает катер. На катере стрелки с карабинами. Человек пять или шесть. А один человек – в плавках. Катер делает круг, другой возле лайнера, чтобы привлечь, значит, внимание. Ага... И вдруг под кормой, где этих акул самое месиво, тот, в плавках который, падает в воду. Акулы – за ним, он – к катеру. А лайнер, понятно, сбавляет ход, на нем – ахи, визги. Видят, как акулы пасти пораскрывали и вот-вот сожрут человека. Но стрелки начеку. Акуле осталось только сомкнуть челюсти, а ее – щелк разрывной. Одну, другую, третью... Пока парень не доберется до катера... Как с ним расплачиваются – не показали. Но не даром же такой риск! Тем более что однажды не уследили: акула погналась не за парнем, а навстречу ему – от катера. Попролам перекусила! Кровищи! На весь экран!.. Вот так-то. Вот во что обходится ихняя самостоятельность!.. У нас же будет почище: побросают к акулам, а стрелков не поставят, или патронов не выделят!

Удрученные слушатели молча примеряли на себя грядущие перемены и не находили в этом ничего утешительного.

Повестка предстоящего совещания не была известна заранее: «Вопрос – на месте», – говорила секретарша Коврова, обзванивая предприятия, и все же все почти знали, что «героем» на нем должен стать Носов, директор учебного комбината.

В «Службы быта» Носов работал недавно, а каждого новичка Ковров подвергал обязательной процедуре публичного унижения, которую называл – знакомством поближе. Гене-

ральный директор хотел точно знать меру гибкости нового подчиненного. «Строптивные мне не нужны, – предупреждал он. – Мне нужны послушные исполнители. У меня нет ни времени, ни желания с кем-то бороться в дальнейшем, или перевоспитывать». И если новичок не имел нужного количества выдержки и смирения, день такого «знакомства» был для него последним во владениях Гурия Львовича.

Носов пришел в числе первых и стоял в одиночестве у окна рядом с ухоженной пальмой, погруженный в невеселые размышления. На вид ему было лет сорок, и выглядел он предстательно: высокий, в меру полный, розовощекий, с модной прической. Несмотря на жару – стоял август – одет был в темно-синий хорошо отутюженный костюм, светлую сорочку с галстуком в бело-синюю клетку. В руках он держал пухлую папку, и, казалось, целиком ушел в свои мысли, не реагируя ни на байку Силаева, ни на испытующие взгляды потенциальных своих сослуживцев.

– Ишь, как вырядился в такую жару! – тронул за рукав стоявшего рядом сотрудника Штонда, инспектор по кадрам, – Наверно предупредили...

– Знает! – согласился сотрудник. – Я был вчера у главного инженера, и он при мне его инструктировал: не суетись, говорит, не горячись, будь выдержан... Я слышал, что его по рекомендации главного приняли. Это верно?

– Ковров с ним сам сейчас разберется, – ушел от прямого ответа уклончивый кадровик.

Настенные часы с длинным, под золото, маятником тихо отстукали десять ударов. Коврова все еще не было. Минут через двадцать Силаев предложил шутливо:

– Давайте поступим так, как принято у студентов: десять минут преподавателя нет – все расходятся...

– Точность – вежливость королей, – поддакнул кто-то.

– Ждите! – громко и властно оборвала шутки секретарша Коврова. – Гурий Львович знает, что вы уже собрались! Если сочтет нужным вас отпустить, он позвонит!

Пряча смущение от окрика высокомерной девчонки, собравшиеся, среди которых было много седоголовых, начали строить предположения о причинах задержки их генерального директора.

– Может с машиной случилось что?.. Саша когда за ним выехал?..

– Гурий Львович пешком по утрам ходит. Здесь рядом.

– А может, он в администрацию заглянул? Оттуда сразу не вырвешься..

– Гурий Львович вырвется, если захочет..

– А если к самому Локтеву?!..

Ковров не скрывал, что стремится наладить тесный контакт с Локтевым, новым главой областной администрации. «Главное, чтобы тебя первый поддерживал, – часто повторял он, – а остальные – дерьмо! Чего на них оглядываться!» И если он действительно попал на прием к Локтеву, ждать его можно непредсказуемо долго. О том, что он вспомнит про собравшихся здесь и позвонит, как сказала его секретарша, – никто не обольщался.

Носов несколько оживился. Он стал надеяться, что планерка не состоится, и ожидавшие его неприятности отодвинутся куда-нибудь дальше. О том, что его сегодня поднимут, предупредил накануне главный инженер объединения, обеспокоенный тем, что в случае непринятия Носова Ковров обязательно унизит и его, своего первого заместителя: «Кого ты таскаешь к нам, дорогой мой?! По себе подбираешь?!»..

– У меня, кажется, все в порядке, – уверял главного Носов, – Потом, сейчас каникулы, ремонт...

– Это ты так считаешь! Гурий Львович, если захочет, найдет за что тебя расчихвостить. А он захотел и подготовился к этому: все отделы ему справки готовили по твоему комбинату.

– Но почему? Я ничего не сделал порочного, – терялся Носов в догадках. – Может клевета какая ему поступила?

– Никакой клеветы. Так надо! – главный инженер внимательно посмотрел в глаза своего протеже и добавил, – Мой тебе совет: как бы обидно не было – терпи. Не возражай и не спорь. Перемолчи. Так будет лучше в дальнейшем.

Волнение в приемной усиливалось. Кто-то позвонил тайком в областную администрацию и узнал, что Коврова там не было. В гараже не оказалось его машины. Эти известия дали новый толчок измышлениям о неизбежном развале объединения подобно тому, как развалились другие: торговли, местной промышленности, общественного питания... «Служба быта» оставалась единственной структурой, которой пока не коснулась тлетворная перестройка. Все признавали, что объединение оставалось нетронутым только благодаря способностям Коврова, и несмотря на его иезуитский характер, перемен боялись и не хотели. Ковров был надежной опорой при внешних неприятностях. «Со своими я сам разберусь! – говорил он в таких случаях. – Все претензии адресуйте мне лично!» И многие с благодарностью вспоминали, как он выручал их в очень непростых ситуациях.

Гурий Львович появился после одиннадцати, когда нервное напряжение достигло своего апогея. Сутулясь больше обычного, он окинул приемную пустым безразличным взглядом и, не ответив на подобострастные «здравствуйте», пошел к своему кабинету.

– Чай мне завари покрепче, – приказал он секретарю сквозь зубы. – И приглашай, пусть заходят.

– Не в духе, – шепотом констатировал Штонда и сочувственно посмотрел на Носова, а того, похоже, забила нервная дрожь.

В кабинет входили робко, по одному, и после того, как секретарь, относившая чай, вышла оттуда. Входили по рангу: главный инженер, прочие заместители генерального, за ними – Силаев, начальники отделов управления, другие руководители предприятий. Шествие замыкали ведущие специалисты отделов. Носов вошел последним.

Ковров, морщась, прихлебывал чай и пристально следил за входившими. На Носова он смотрел пылливо и долго, пока тот, потоптавшись в нерешительности, не сел, оказавшись за спиной Штонды.

Традиционную вступительную речь Колов начал голосом мученика:

– Я, как вы заметили, задержался сегодня... Вчера, уже вечером, выехали в район, там и поужинали. Все вроде свежее было, но дома... Как приехал, так и начало меня нести. И сверху, и снизу. Всю ночь. Жена рвется скорую вызвать, а что скорая?! Отвезут в инфекционную и бросят там, как собаку. У нас так. В инфекционной там все бесконтрольно: кто захочет идти в инфекционную ради контроля?!.. Надо бы пару деньков отлежаться, но для меня это – роскошь. Я, как вы знаете, даже отпуск свой не догуливаю... Утром принял горячий душ, собрался, но пешком идти не рискнул – вдруг дорогой прихватит!.. А?!..

Ковров обвел всех оловянными глазками и продолжал смаковать свои ощущения:

– У нас не так, как в Клошмерле! Помните, такой фильм был – «Скандал в Клошмерле?!». Про общественные уборные?... Там их строили для народа, а у нас и те, что были построены, позакрывали... Дорогой прихватит – ни к кому ведь не достучишься, или за забором – собака... Я утром пешком хожу, вы знаете это, сегодня же не рискнул, вызвал машину... Сижу сейчас и вслушиваюсь в урчание, чтобы вскочить и успеть добежать до уборной...

Мужчины, сохраняя самое серьезное выражение лица, украдкой смотрели на женщин: как они реагируют на эту диарейную эпопею? Женщины были – на уровне: сама искренность, само сострадание. Лица их наполнялись материнскими чувствами и выражали готовность оказать любую необходимую помощь.

Ковров вздохнул еще раз скорбно и переключился на дело:

– Ну ладно, будем работать... Владимов, где ты?!.. Мне жалуются, что ты парализовал работу нашего транспорта, что перестал выдавать бензин. Я правильно говорю, Мишина?!..

– Абсолютно правильно, Гурий Львович! – встала и принялась тараторить Мишина, начальник производственного отдела объединения. – Раньше давали по тонне двести на квартал, сейчас – по ноль целых и три десятых! По столовой ложке на день!

Владимов, ответственный за бензин, поднялся и степенно сказал:

– А что я могу сделать, товарищи?!.. Заявки наши урезаны, сейчас живем за счет фондов четвертого квартала. Но ведь никто не запрещает покупать бензин в частных бензоколонках. Пожалуйста, покупайте... Дорого?! А чего вы хотите, если такая обстановка в стране?

Сделав такое умное заявление, Владимов молчит и выжидательно смотрит на генерального. У Коврова на шее вздуваются вены, багровеет морщинистое лицо и наливаются кровью глаза. Он приподнимается над столом.

– Ты мне не говори за страну, если не знаешь, по своей лености, что в стране происходит! – гремит его гневный голос. – Есть постановление правительства: для ряда отраслей оставить фонды на ГСМ на уровне прошлого года! На нас оно тоже распространяется: какая жизнь будет, если свернуть нашу службу?!.. Если кто-то из бюрократов в нашей администрации не понимает этого, надо растолковать! Драться надо за свои интересы! Постановление есть, ваша задача – реагировать на это постановление! Связаться с нефтесбытом, с Крайневым! Его-то, надеюсь, вы знаете?! И реализовать решение правительства! Вытрясти из него все, что следует из этого постановления!.. За бензин вы мне отвечаете со всеми вашими потрохами!

Когда Ковров переходит на «вы» с подчиненными – дело тревожное. Вальяжность с Владимова сразу слетела, он сжался, опустил голову, а голос Коврова продолжал крепнуть.

– Я не спрашиваю вас за цемент или лес! За лес и цемент мне другие ответят!.. Да! Именно – ответят!!! Зарубите все себе на носу! Вы думаете – моя задача отыскивать вам бензин, цемент, оконные блоки? Напрасно так думаете! Моя задача – решать глобальные вопросы: объяснить ситуацию и подготовить вас к действию в этой ситуации. Все!! Бегать будете вы!.. Почему до сих пор не встретились с Крайневым и не прижали его этим постановлением?!.. Что, скажете, встретились?!.. Вы и о постановлении только от меня сейчас слышите! А заявляете – сократили фонды!.. Вы это мне бросьте! Все, что положено вам, решайте сами, не доводите до Коврова нерешенных вопросов! Как только доведете – считайте, что клок волос у вас вырван! Я знаю все!!! И то, что вы не дорабатываете – тоже знаю! Вцеплюсь в ваши шевелюры и буду трепать!

– Уже ничего на голове не осталось, – попытался обратить в шутку слова генерального перепуганный не на шутку Владимов, который действительно не знал ни о каком таком ответственном постановлении.

– Найду за что потрепать! – не принял шутки Ковров. – Ты работай так, чтобы жалобы до меня не доходили, тогда ты для меня – хороший работник... А за страну не беспокойся: за нее есть кому беспокоиться – вон их сколько каждый день красуется по телевизору!.. Работайте как положено!! А то – придут в кабинет и трясут здесь своими... штанами! И думают, что работают!

Возбудив себя так, что позабыл о болезни желудка, Ковров вышел из-за стола и стал ходить по кабинету, продолжая ругать подчиненных за нерадивость. Слова он усиливал кривлянием и жестикуляцией.

– Работнички!!! Кто может мне указать роль, которую выполняла Умарова в строительстве фабрики химической чистки?!.. Она – директор. Деньги отпущены, проект есть – строй на здоровье, организуй строительство!.. Так какую же роль она играла в то время?!.. Не знаете?!.. Ни какой!.. Гурий Львович доставал кирпич, Гурий Львович доставал железобетон, договаривался со строителями... А как она вела себя на приемочной комиссии?! Больше всех замеча-

ний!.. Выполнили, сдали! Химчистка работает! А теперь Гурий Львович петушком возле нее кружится: «Выделите, Фирюза Махмудовна, объединению десять процентов от прибыли этой химчистки...», а она: «Нет, Гурий Львович, только пять процентов – Совет трудового коллектива не согласен на десять». Совет не согласен!!! А где был этот Совет с ней вместе два года, пока строилась фабрика?!.. Где?!..

Ковров сощурился, как на солнце, приложил ко лбу ладонь козырьком и стал всматриваться в углы кабинета.

– Где они были?! – кричал он почти истерически. – Ты мне не прикрывайся Советами! – коршуном навис он над перепуганной директором химической чистки. – Плати почестному!!!.. Сами голосовали за объединение! Теперь не выйдет, чтобы каждый командовал, не позволю!!!.. Или – Иван!.. Где он? Не вижу!..

– Здесь, Гурий Львович, – поднялся Сахнов, директор завода по ремонту бытовой техники.

– Вот он! Мы ему строим, понимаете, а он только вопросыки задает! Знаешь, где твоя стройка находится?!.. Знаешь!.. И около него крутиться придется, попомните эти слова. Даже в протокол можете занести!

Ни Умарова, ни Сахнов Коврову не возражали, и он, выпустив, как говорят, пар, начал успокаиваться. Кульминация планерки прошла, Владимов и Сахнов сели, остальные расслабились. Послышался осторожный шепоток.

– Похоже, пронесло сегодня мимо тебя, – полуобернувшись к Носову, ободряюще сказал Штонда. – Гурий Львович, похоже, насытился. Быстро он что-то сегодня, Стар уже стал...

Носов согласно кивнул и судорожно сглотнул слюну.

– Лучше бы сейчас его слушали, – возразил Штонде сосед, – переволновался парень, а попусту. По себе знаю, как муторно ждать, когда он на тебя сорвется.

Ковров вернулся в кресло и сказал главному инженеру:

– Продолжай, пожалуйста. Вот по этой повестке...

Дальнейший ход планерки его, как видно было, не занимал. Слушал он не внимательно, не критиковал ни кого, а одному из выступавших сказал даже спасибо за краткость изложения мыслей.

Но о Носове он все-таки не забыл. Как только началось оживление, обычное к концу совещаний, Ковров приподнял голову и вытянул шею.

– А где у нас Носов?..

У Носова слышно екнула селезенка.

– Здесь, – сдавленно произнес он, вставая.

– Не дрейфь, – подбодрил его Штонда шепотом.

Носов расправил плечи и повторил спокойнее:

– Здесь я, Гурий Львович. Слушаю вас.

– Это нам тебя надо послушать... Ты уже сколько работаешь?..

– Два месяца, Гурий Львович.

Носов преданно, по-собачьи, смотрел генеральному прямо в глаза.

– Два месяца, – задумчиво повторил Ковров, постукивая очками по крышке стола. – Пора, думаю, спрашивать. Давай, рассказывай, что у тебя?..

– Самый больной вопрос, Гурий Львович, сейчас – это подготовка к зиме. – торопливо заговорил Носов, посчитав, что лучше начать с проблем. – У нас раскрытая теплотрасса, нужно сто восемьдесят шесть погонных метров труб двух дюймового диаметра. Я у всех был, где надо, Гурий Львович, но результатов нет. Одни обещания. Требуется ваша помощь, Гурий Львович...

Носов еще не усвоил, что обращаться к Коврову с какой-либо просьбой, особенно по материалам, значит – пробуждать в нем вулкан. Со всей, соответствующей извержению, атрибутикой – ревом, грязью и прочим.

Лицо Коврова стало таким, будто он откусил пол-лимона.

– Ты знаешь что!!! – грубо он прервал Носова. – Ты у кого перенял этот стиль?! Два месяца всего здесь, а уже как Владимов! И тебе тоже – страна плохая?!.. Мы тебя брали директором, чтобы ты и решал снабженческие вопросы! Вон ты какой круглый мужик! На все пять с плюсом!.. Иначе, посадили бы туда хрупкую женщину, уж с внутренними твоими вопросами справилась и такая, А снабжение... Ты же обстановку знаешь... Вся страна проходит сейчас всесоюзный эксперимент – проблемы растут, а материалы уменьшаются. На каком этапе мы сдохнем?.. Так что давай – бери ноги в руки и – действуй! Ищи, доставай! Девяносто процентов работы директора – это снабжение! Понял?!

– Понял, Гурий Львович, – пролепетал Носов.

– Ну и отлично. Садись. Спасибо за понимание... Свободны все!

С крещением тебя! – сказал Штонда, когда все вышли в приемную, и крепко пожал Носову руку.

– Везунчик! – с явной завистью произнес Владимов. – Проскочил, как намыленный! Меня валерьянкой отпаивали после первого представления.

Оставшись один, Ковров вновь потребовал чаю и, когда секретарь принесла его, сказал озабоченно:

– Собери весь этот народ завтра в три. Вопрос – подготовка к зиме. Похоже, только Носова она беспокоит. Докладчики – директора предприятий, содокладчики – мои замы. Все! Каждый – по распределению обязанностей!.. Все поняла?

– Завтра, Гурий Львович суббота...

– Ну и что, что суббота?! Будем работать! Всех сейчас и предупреди, а то будут хлопать глазами: какая зима, откуда зима?!..

Ковров побарабанил пальцами по столу.

– Суббота, говоришь, завтра?.. Ну, что же, день коверкать не будем. Давай не на три, а как и сегодня – на десять. А на три – давай в понедельник, по плану. Докладчики – те же. Пусть возьмут с собой главных бухгалтеров и финансистов: давно не слышал их вяканья..

1990 г.

Сложное интервью

Малахов, директор рыбного комбината, человек солидного возраста, представительный, имеющий опыт общения с людьми из разного круга, чувствовал себя неуютно и скованно в беседе с дотошным корреспондентом, сидевшим перед ним в его, директорском, кабинете.

Корреспондент все пытался узнать, как здесь, в районной глубинке, идет перестройка командной системы, признанной центром порочной и пагубной и потому искореняемой им повсеместно.

Отвечать откровенно Малахову не хотелось – жизнь научила его быть осторожным в оценке других, особенно вышестоящих. «Приедем что, – думал Малахов, – он пораспрашивал и уехал, а мне здесь жить и работать... Потом, чем закончится вся эта ломка, кто сейчас знает наверное?»..

– А как складываются у вас теперь отношения с руководством района? – наседали корреспондент. – Как оно, по-вашему, перестроилось?

Двигая по столу очки в изящной оправе, Малахов вымученно тянул:

– Видите ли, район у нас сельский... Традиции здесь очень сильны... Нет, перемены, конечно, заметны, тем паче после того, как райкомы закрыли... Теперь мы контактируем все больше с районным советом. Хотя мы расположены в разных поселках, но контакт держим плотный.

– А кто сейчас в районном совете?

– Председатель?.. Григорьев. Первый секретарь райкома партии. Бывший уже, конечно, теперь... Его, значит, выбрали... Он совмещал вначале оба поста, а потом перешел в райсовет окончательно, тем более, что райкомы прикрыли... С ним у нас связь постоянная: звонит, советует, интересуется...

Как бы в подтверждение слов Малахова по селектору раздался голос секретаря:

– Владислав Александрович, вас просит Григорьев.

– Видите, – усмехнулся криво директор. – Только что о нем говорили. Сейчас будем распределять нашу продукцию: сколько направить рыбокоопу, сколько кому еще, по бартеру.. Он у нас любит распределять...

Однако в этот раз директор ошибся.

– Малахов?! Где ты пропал?! – зазвенел в трубке зычный голос. – Как ты живешь там?.. Ничего?.. Значит – счастливчик! Давай тогда, впрягайся в наши проблемы – сообщай и телегу легче тянуть. Помнишь народную мудрость?.. Надо трудоустраивать бывших райкомовцев. Ситуацию ты понимаешь, я думаю...

– Я уже делаю, что могу, Николай Николаевич! – заволновался Малахов. – Парторга уже назначил начальником кадров. Старого начальника пришлось досрочно на пенсию вытолкнуть. Уходил со слезами – как сейчас на пенсию проживешь?!..

– Ты парторга своего не считай, – прерывает Григорьев попытку Малахова соскользнуть на другую проблему. – Он твой, доморощенный. Кому еще о нем позаботиться? Я сейчас о других говорю: еще к тебе направляю. Пока одного, а там видно будет... Гальперин вот к тебе согласился. Придумай ему что-нибудь.

Облик грузного, сумрачного райкомовского тугодума мгновенно возник перед внутренним взором Малахова. Заведя промышленным отделом, Гальперин в доску выматывал директоров предприятий, требуя, даже по пустяковым вопросам, их личного присутствия у себя. И попробуй не появись! Неприятностей не оберешься! Он – мастер на неприятности. А вызов к нему был почти ежедневно: то готовится справка в бюро райкома, то справка в секретариат, то нужны цифры к докладу на пленуме... Цифры, сведения, справки – стихия Гальперина.

По другим делам ходить к нему бесполезно – ничего не решает. Одна демагогия. И вот он – сюда! Надменный, надутый, обидчивый... Гальперин – на комбинате!!!

Малахов был так ошарашен такой перспективой, что забыл на какое-то время о постороннем в своем кабинете, и не мог никак найти слов для ответа.

– Ты чего замолчал? – властно гудела трубка. – Договорились?...

– Да что вы, Николай Николаевич! – взмолился Малахов. – Куда я его?! Он же ни уха, ни рыла в нашей работе!

– Но, но! – прикрикнул Григорьев, – Ты не утрируй! Он семь лет всем производством в районе руководил!.. Вот, мне подсказывают, что он был даже куратором твоего комбината!.. «Ни уха, ни рыла!» Тоже мне, умник!

– Да точно вам говорю! – ревел белугой Малахов. – Приехал раз как-то ко мне с заявлением – рыбу для кого-то выписывал. Пишет: «Прошу отпустить ящик копчено-вяленых рыботоров». Я уточняю: каких тебе надо, конкретно – вяленых или копченых? А он мне, с обидой: я ж, говорит, ясно пишу – копчено-вяленых...

– Ну, и в чем ты здесь криминал усмотрел?..

– Да не о криминале я вовсе! Я о том, какой он куратор! У него там, в партийных бумагах, как было одной строкой – копчено-вяленая продукция, он так себе ее и усвоил! Он и на территории-то комбината не был ни разу! Ни в одном цехе. Только в парткоме, да у меня в кабинете.

– Тебя послушать – выходит, что дураков мы в райкоме держали! – слышится желчный голос Григорьева. – Сам-то ты помнишь, что райком тебя сделал директором?! Сам-то каким был до этого?.. Подучишь! Не в орг же набор мне его посылать!..

– А с жильем как? – спросил Малахов, сникая. – Селить мне его негде: строительство встало, а очередь – страшно сказать...

– Вот и плохо, что встало! Очень плохо. Пора, видимо, нам разбираться в этом вопросе. А о Гальперине, в этом плане, не думай. Он пускай здесь поживет. У него есть машина – ездит. Думаю, не на долго мы его к тебе переводим... Значит, с ним порешали?!.. Ну, будь здоров. Он завтра подъедет..

В трубке уже часто звучали гудки. А Малахов все еще держал ее возле уха. Потом он тяжело опустил руку, взглянул искоса на корреспондента, что-то торопливо заносившего в свой блокнот. «А-а, пусть его знает всю правду – матку!» – мелькнула шальная мысль. И он велел секретарю пригласить к нему главного инженера и нового начальника отдела кадров.

Возбужденный состоявшимся разговором, Малахов вышел из-за стола и крупно зашагал по просторному кабинету. На его безволосом затылке растекалось большое малиновое пятно.

– Только что у меня разговор был с Григорьевым, – сразу сказал он вошедшим. – Велит трудоустроить Гальперина. Не на рабочее место, естественно...

– Гальперина? – переспросил бывший парторг удивленно. – Так он же – того...

– Знаю! – восклицает Малахов. – То, что вы скажете мне сейчас, я лучше вас знаю! И дуб он, и склочник, и не специалист. Знаю, что он институт педагогический кончил заочно!.. Учителя чистописания к нам направляют!.. Но первый же требует!.. Вы-то хоть мне душу не рвите!.. Найдите ему такую работу, где вред от него мог бы быть наименьшим!

Главный инженер и бывший парторг в замешательстве вышли из кабинета. Малахов снова сел за свой стол, опять погонял по нему очки и спросил, глядя тоскливо на корреспондента:

– У вас и теперь еще будут вопросы?..

Корреспондент сказал, что ему все понятно, и спрятал в карман авторучку.

1991 г.

Приятель

Сносят старый квартал. Наконец-то!.. Наконец-то убирают постройки, сколоченные, по всем показателям, еще в период нашествия хана Батые... Большинство домишек не разбирают – гнилье, корчуют бульдозером. Где-то среди этих руин и лачуга моего дяди... Как он ждал этого сноса, рассчитывая на переселение, как он, веря и не веря в него, старался улучшить свой быт, цепляясь за любую возможность. И я вспоминаю, что сумел хоть чуть-чуть помочь ему в этом.

Валерий Иванович, – сказал мне как-то начальник отдела, – опять у стройгруппы в отчете вранье. Сходи-ка туда, разберись там на месте.

– Сделаем, – ответил я, маскируя свое удовольствие: стройгруппа была в другом конце города, и вместо тоскливого сидения в душной комнате, предстояла приятная и не обременительная прогулка. Само задание меня не смущало – дело знакомое.

Поменяв в своей жизни несколько различных контор, я не раз подмечал не понятную мне поначалу особенность: на дело, связанное с отлучкой из здания, тут же отвечают согласием. Пусть это дело для исполнителя трудное, или наоборот – оскорбительно мелкое, пустяковое. Например, инженеру, дипломированному и с недюжинным стажем поручают отнести бумажку в другую контору или доставить бумажку оттуда – каждый с радостью соглашается. Получая иное задание, и почетное, и в рамках своих служебных обязанностей, но сделать которое можно на месте, даже не поднимаясь со стула, многие стараются отвертеться. Брюзжат, ссылаются на перегрузку и крайнюю занятость.

Постепенно я пришел к выводу – это проверенный способ самозащиты, инстинкт, так сказать, выживания: сокращают-то, прежде всего, конторских работников, вот они и ловят момент, чтобы подчеркнуть свою важность и необходимость.

Поломаться, из этих соображений, полезно конечно и при заданиях с отлучками, но здесь вступают в игру другие серьезные факторы. Кто из нас не раздумывал над проблемами: как сходить в ЖЭК, к нотариусу, в гортоп или еще куда по личным вопросам? Отпрашиваться? Каждый раз не отпросишься! Идите, скажете вы, после работы? Вряд ли. Не скажете. Самим, наверно, не хуже известно, что «после» там нечего делать: или замок, или толпы народа. Необходимые двери доступны только в ваше рабочее время.

Умный, знающий эти мелочи жизни начальник учитывает такие реальности, и распределяет задания с выходом в город как особый вид служебного поощрения. К расчетному времени он всегда добавит часик-другой, чтобы сделано было и личное, и служебное.

Если же начальник скрупулезен излишне – горе его поручению! Я не раз был свидетелем такого примерно диалога:

– Так почему же вы так ничего и не сделали?! – вопрошает начальник, обычно чуть сдерживая в рамках приличия свои расшатанные нервишки.

– Дык, транспорт подвел. Сел я в трамвай, а он остановку проехал и встал. Ток, говорят, отключили.

– И вы три часа просидели в трамвае?!!

– Ага...

– Изумительно! Пешком раз десять можно было сходить и туда, и обратно!

– Дык кто ж его знал, что три часа тока не будет? Только, может, ты вылезешь, а он взял и пошел.

После этого объяснения начальнику остается лишь утереться под носом: ссылка на городской транспорт беспроектна.

Мой тогдашний начальник был человек многоопытный. Вырос он не в элитной среде, где не знают очередей, не собирают справок по ЖЭКам и не ездят в общественном транспорте. Он продирался вверх из низов, как росток сквозь асфальтную толщу.

– Можешь не приходить, покуда не разберешься, – напутствовал он меня. – Только сделать надо сегодня: завтра – сдавать сводный отчет.

Разговор этот был до обеда. Сопоставив мгновенно все обстоятельства: и работу, и отведенное время, я повторил заверение, прямо глядя в испытующие глаза:

– Сделаю, Сан Саныч. Разобьюсь, но все сделаю в срок, не сомневайся.

Около трех часов дня я, как и рассчитывал, уже был свободен и размышлял: «Чем бы заняться?» Вариантов было с избытком, но я, думаю, сделал правильный выбор: решил навестить дядю Колю, своего дядю по матери.

Инвалид войны, он, не избалованный ни заботами государства, ни вниманием родственников, сиротливо доживал век в ветхом домишке с прогнувшейся крышей и окошками у самой земли. Ни воды в этом домишке, ни телефона, ни газа. Еду он готовил на керосинке, да и что он там мог приготовить!. Как он один в промозглые длинные ночи?.. Об этом лучше не думать... Побудешь часок у него, и долго потом на душе лежит горький осадок, будто именно ты виноват в его злоключениях. Вот и хитришь иногда сам с собой, откладываясь визиты к нему, выискивая себе оправдания, а каждый раз картина становилась все горше и горше.

Дядя долго крепился, не раскинул в надежде на лучшее. Говорил все о льготной очереди на телефон, радовался вместе с соседями предстоящему сносу их убогих клетушек, мечтал хоть немного пожить в квартире с удобствами. Но годы шли, иссякали надежды, появились тоска и растерянность, появился страх перед беспомощной старостью и обида на вла-сти. Жгучая безысходная тоска и обида.

С тяжелыми мыслями подходил я к дырявым воротам, готовя себя к встрече с любой неприятностью. Вспомнился случай, когда о смерти бабушки сослуживца родные узнали не сразу – от почтальона. «А вдруг и он – в постели. Болеет. Что тогда делать? Придется переселяться к нему!»

Отворив калитку, я вздохнул с облегчением: дядя, скрипя протезом, ходил вокруг своего инвалидского «Запорожца» и протирал его тряпкой.

Во дворе было что-то по-новому. Я увидел с десятков металлических труб, сложенных у стены кирпичного дома, к которому птичьим гнездом прилепилась дяди Колина хижина. Здесь же был газосварочный аппарат, деревянные козлы, длинная лестница...

– Уезжаешь куда или только приехал? – спросил я, поздоровавшись.

– Уезжаю, Валерочка, уезжаю. Дело тут великое намечается – видишь, газ через двор ведут, – дядя рукой показал на трубы. – А знаешь, кому газ проводят?!.. Вот власти, растуды иху мать! Нам, инвалидам, – отказ на все сто процентов! Сносить, говорят, весь район будем – какой газ, какие ремонты, а этому дому – пожалте! И отремонтировали, и газ, вот, проводят. А почему?.. Квартиру там шишкарю дали. Не самому, конечно, у него она есть, а сыну его: женился недавно. Боятся сразу в новом доме выделять, так они обходной маневр применили: поселили сюда, чтобы при сносе он получил квартиру вроде как по закону. А чтоб не скушно было ему этот снос ожидать – удобства устраивают. За народные деньги, конечно... Эти, – он опять показал на трубы, – они третьовни приехали. Разреши, просят, отец, у тебя трубы свалить. Я интересуюсь, понятное дело, что за трубы, куда, для кого. Как узнал, аж протез застонал от обиды! А мне, спрашиваю, как? Так и быть с керосинкой?! Не заслужил, значит?! всю войну от начала протопал! Нога в Кенигсберге осталась!.. Сволочи!.. Хотел не пускать, но они-то при чем? Они – работяги. Им – что прикажут... Бригадир, хороший, видать, парень, сказал, что и мне они сделают. Сосок, говорит, с краном для тебя сварим, можешь потом под-

ключиться, только хлопочи о проекте. Успеешь, говорит, быстро сделать проект – выполним и тебе... Какое было бы счастье!..

Дядя Коля разволновался, заговорил, где хотел бы поставить плиту, как переведет печку на газ. И вдруг помрачнел.

– Хорошо это все, но опять не для нас. Вчера ездил в бюро, в котором эти проекты делают. Оно одно на весь город. Прием ведут там только по средам, один раз в неделю. Проект делают по полгода – это мне вахтерша сказала. Правда, говорит, инвалидам могут сделать уступку – срок поменьше назначить. Еду туда – они с четырех принимают.

Дядя назвал адрес проектной организации, и я вспомнил, что там когда-то работали мои однокурсники – Володя Пирожков и Слава Рыженко. Мы даже дружили какое-то время.

– Бери и меня, – говорю. – Вдвоем веселее.

Я не сказал ему о знакомых – там ли они еще? В каких амплуа? Смогут ли посодествовать?.. И еще не сказал потому, что дядя презирал обходные пути, верил всю жизнь в справедливость. Он даже заявление не подавал на улучшение жилищных условий. «Должны, – говорил, – сами знать, о ком им вначале надо заботиться: я все, что мог для страны своей сделал». Наивный был, как ребенок. Теперь вроде прозрел, но кто его знает, вдруг там он опять заартачится?..

– Поедем, – согласился он. – Открывай ворота.

В длинном коридоре проектного бюро, разместившемся на первом этаже пятиэтажного дома, возле одной из дверей сгрудились люди.

– Туда нам, – показал дядя Коля пальцем в их сторону и быстро захромал к ним.

– Ты разбирайся там, действуй, как запланировал, – крикнул я вслед, – я подойду чуть попозже...

Увидев проходящего в нарукавниках парня, я спросил не работает ли здесь Слава Рыженко.

– Вячеслав Константинович? – уточнил парень – работает. Он сейчас за начальника.

– А с начальником что? – почему-то спросил я. – Он в отпуске? Болен?

– Начальника на днях сняли. За пьянку, – с видимым удовольствием отвечал парень. – Теперь Вячеслав Константинович – наш начальник... Четвертый кабинет. Он пока еще в своем кабинете сидит.

В кабинете под номером четыре и с табличкой на двери «Главный инженер» была одна молодая женщина.

– А Вячеслав Константинович? – спрашиваю ее, стараясь подтвердить запомнить отчество Славы.

– Здесь... Он на минуточку вышел.

Я постоял немного у двери, думая, как повести себя с ним: знаю, что высокая должность свой отпечаток ставит на многих... «Какой он теперь? Чванливый чинуша, ханжа или такой же, как был – деловой, но простой, приветливый парень, про которого говорили, что он далеко может пойти, если... К сдерживающему «если» относили его прямоту и резкость в высказываниях, что с позиций времен, в которые нас воспитали, было смело, но не умно.

Я часто чувствовал отголосок того воспитания, отмечая неподвластную себе робость при встречах с высоким начальством. Но перед «Рыжиком» – так мы звали его в институте, ни заискивать, ни лебезить не хотел, будь он хоть трижды главным инженером или даже начальником.

Ничего путного не придумав, я вышел опять в коридор, где через дверь от четвертого кабинета стоял озлобленный гвалт – люди выясняли очередь, ругали сроки и цены на разработку проектов. Заодно ругали начальство всех мастей и инстанций.

Дядя Коля, увидев меня, вытянул кадыкастую шей, и по его растерянными глазами я понял, что там у него не все в порядке. Я сделал ему знак – потерпи, и стал прохаживаться у двери главного инженера, не приближаясь к толпе: я ведь задумал обхитрить очередь, зачем же ей знать об этом? Только расстраиваться. Легче, когда не знаешь, что тебя объегают.

Минут через пять откуда-то вышел мужчина, фигура которого показалась мне очень знакомой. Высокий, стройный, резковатый в движениях – Славка! Такой же! Только, что лысый. А костюм на нем, как говорится, с иголочки..

– Ба, да это Валера! Какими судьбами?!..

В глазах Вячеслава светилась неподдельная радость. Узнал! И тон его откровенно приветлив. А у меня получилось не так – сработала приученность к подхалимажу:

– К тебе, вот наверно... Как?.. Примешь?..

Слава удивленно посмотрел на меня, и умело свел лепет мой к шутке:

– Конечно, приму! Наливай, приму обязательно!.. Проходи, – подтолкнул он меня к кабинету.

Не обращая внимания на женщину, он сразу забросал меня вопросами обо всем: где живу, где работаю, с кем из ребят часто вижу.

Мои не очень толковые объяснения он почти не дослушивал до конца.

– А где Владимир? – спросил и я. – Слышал, что он тоже здесь вкалывал.

– Владимира сняли. С неделю как сняли за пьянство... Дурак он, совсем опустился – прямо с утра за стакан!.. А я вот теперь – о двух лицах. И главный и врио начальника. За двоих отдуваюсь.

«Так вот оно что! Пирожков был начальником! Они здесь вдвоем „правили бал“!». Пока я осмысливал эту новость, Вячеслав поговорил с женщиной, и она вышла.

Разговор о своем деле я начал издалека, с подходцем и чуть было не погубил все: в кабинет один за одним заходить стали сотрудники, постоянно отвлекал телефон, и я обругал себя мысленно за бестолковость.

Но Вячеслав все же сумел для меня выкроить время.

– Все! – твердо произнес он, подписав очередную бумагу. – Меня уже нет! Меня ждут граждане!

Он остро посмотрел на меня, потом – на часы.

– Пожалуйста, извини, но давай – с чем пришел? Сейчас насядут просители.

Он кивнул в сторону коридора.

– Я тоже проситель. У дядьки газ через двор тянут...

– Все ясно, – перебил Вячеслав. – Уже врубился: нужен проект. Где дядька?

– Там. В очереди. Но там такая длина...

– Понял. Делаем так: как только я крикну «Кто с заявлением?» – ты его сразу сюда. Пока там расчухаются, он будет первым.

Я понял замысел Вячеслава. Дверь, которую осаждала толпа, вела в комнату, смежную с кабинетом главного инженера. Там просителей принимала одна из сотрудниц бюро. Она брала заявления, регистрировала их, назначала сроки исполнения проектных работ. По сложным вопросам или конфликтам – подключался Рыженко. Такова, как я понял, слоняясь по коридору, была обычная схема приема, но, очевидно, были случаи, когда прием вели двое – и рядовая сотрудница, и главный инженер.

Замешкавшись у двери, я услышал зычный голос Рыженко: «Зина! Пропускай и ко мне с заявлениями!» Тигром я выскочил в коридор – в таких случаях не надо зевать! «Сейчас, – думаю, – будет давка, и – куда моему колченомому дядьке, несмотря на все его ордена и медали!» И точно: дверь уже заклинила всполошившаяся толпа, каждый старался протиснуться первым, не понимая, что первыми все быть просто не могут. Среди штурмовавших дверь бедолаг дяди Коли не было видно. «Неужели упал?! Затоптали?!» Я рванул назад,

чтобы через кабинет Вячеслава проскочить к заклиненной двери и изнутри продернуть своего родича.

Но бывший фронтовик не подкачал! Растрепанный от борьбы и волнения, он уже стоял перед столом главного инженера и тащил из-за пазухи свои бумаги.

– Вот он, – переведя дух, представил я его Славе.

– Садитесь, – предложил Вячеслав, – сейчас разберемся... По одному, по одному, господа! – крикнул он в затрепавшую дверь. – Зина! Наведи там порядок, а то прикроем с приемом!

За дверями притихли, и Слава углубился в бумаги. Дядя Коля просительно забубнил: «Там в очереди говорили, что полгода ждать надо проект. Нельзя ль побыстрее? Я ведь участник войны, инвалид, у меня – льготы...»

– Ты придержи эти льготы к другому разу, – поднял голову Слава. – Ты ко мне с ним пришел, и мне этого хватит.

У меня в груди потеплело, а дядя непонимающе стал тарашиться то на меня, то на Славу.

– Заявления не вижу! – произнес Вячеслав.

– Какое?! – вскричали мы в один голос.

– Эх, ребята! – качнул головой Вячеслав. – Время теряем впустую.

Он достал из стола бланк. Дядя Коля захлопал ладонями по карманам, нащупывая очки.

– На-ка ты, – Слава протянул мне бумагу. – У тебя выйдет быстрее.

Мои очки сами прыгнули на нос. Выхватив ручку, я быстро заполнил пробелы в напечатанном тексте, и радостно выдохнул:

– Все!

– Теперь, значит, так: сначала к той девушке, – показал Слава на дверь, – она даст квитанцию для оплаты, потом – в сберкассу, потом – опять к ней, она отметит, что оплатили, и сразу сюда, ко мне... Впрочем. Зина!.. Зайди на минутку!

В кабинет вошла белокурая девушка. Через неприкрытую дверь было видно, как у ее стола бойко работали локти просителей.

– Выпиши им квитанцию, – сказал Вячеслав, передавая девушке наши бумаги, – Сумму я поставил на заявлении.

Зина понимающе кивнула, пошла к себе, за ней заковылял мой дядя, а Слава втолковывал мне, как действовать дальше.

– Сберкасса не далеко, всего два квартала...

– Мы на машине.

– Ну, дуйте... Зина! Направляй ко мне следующего!.. Кто еще с заявлением?

В кабинет Вячеслава рванулись сразу трое мужчин. Первым прорвался здоровяк в голубом свитере, а я быстро юркнул в коридорную дверь.

– Они до пяти сегодня работают, – сообщил дядя, уже ожидавший меня. – Свет отключили.

В коридоре стоял полумрак.

– Давай шустрее тогда! – заторопил я его. – Полчаса у нас еще есть.

Едва наш «Запорожец», дребезжа, закончил разворот у подъезда, как из него выскочил тот мужик в голубом свитере и крупными скачками помчался по тротуару.

– Это он все время вперед прорывался, – сказал дядя Коля и придавил на газ.

Машина, все же – машина, хотя бы и старенький «Запорожец» с ручным управлением: у перекрестка мы уже обогнали скакуна в голубом, но красный свет светофора перекрыл нам дорогу. Скакуну тоже полагалось стоять, но – куда там! Он молнией прошил перекресток перед радиаторами взревевших машин, и когда мы только еще подъезжали к сберкассе, он уже выскочил из нее и прежним галопом помчался в обратный путь. Мы с завистью взглянули на его

загорелую лысину и заспешили к двери сберкассы – по улице в нашу сторону мчались еще несколько человек.

Возвращаясь, мы распределили между собой функции:

– Ты сейчас – прямо к барышне, – инструктировал я, – делай отметку, что оплатили, а я – к начальнику, узнаю, что делать нам дальше.

Однако план этот сразу нарушился: из здания навстречу нам вышел Рыженко. В плаще, шляпе, с портфелем. Увидев наши помрачневшие лица, он сказал, пожимая плечами:

– Ничего не попишешь – начальство. Вызывают в администрацию... Давайте – на завтра. Так же, к концу дня подъезжайте, продолжим.

Вячеслав сошел со ступенек, а мы вошли в здание – надо было предъявить белокурой девице квитанцию об оплате.

У ее стола мы оказались шестыми. Как обогнали нас те, кто должен быть сзади – непостижимо! Ладно бы тот, в голубом свитере, но его то как раз не было. Наверно убежал уже и отсюда.

Прислонившись к стене, мы стали ожидать своей очереди.

Дверь вдруг опять распахнулась со скрипом, и в комнату, почти падая, ввалился мужчина предпенсионного возраста, потный, с фуражкой в руке.

– Пу-у-уф... Пу-у-уф... – шумно выдыхал он тяжелый воздух и ошалело ворочал выпученными глазами. – Пу-у-ф-ф-ф... Успел все-таки...

Люди поворачивались к нему затылками, уклоняясь от густой струи отработанного пара, кислый «аромат» которого говорил о принадлежности гражданина к сословию, патриотично отдающему предпочтение простой русской кухне, в укор другому сословию, вкушавшему закордонные яства. Впрочем, представителей этого другого сословия здесь не было и не могло быть. Незачем им приходиться сюда – у них хорошо не только с питанием.

– Пу-у-уфф, – уже облегченно выдохнул прибежавший и, широко улыбаясь, начал рассказывать:

– Этот, в голубом, который, как закричит: «Бежим!» – я за ним, но рази угонишься! Однако бежал... Мокрый теперь весь. Меж лопаток вроде речки течет.

Я слушал эти радостные тирады вполуха и потихоньку проталкивал дядю Колю к столу. Блондинка тем временем объявила, что прием заканчивается, так как ей уже плохо видно.

Сумерки действительно быстро сгущались, но мы успевали...

Сделав пометку на заявлении, блондинка убрала документы дядины в стол и сказала:

– Все. В течение месяца к вам придет техник и сделает замеры... За проектом – месяца через три – четыре...

Коридорные прогнозы по срокам были правильными.

– Это к весне?! – то ли спросил, то ли простонал дядя Коля.

Блондинка равнодушно пожала плечами.

– Но я ж инвалид! – выкрикнул в отчаянии дядя. – Смотрите – нет всей ноги! Вот удостоверение!

Девушка достала его бумаги и пометила их другим знаком.

– Постараемся, конечно, ускорить, но дрова вы все-таки запасайте. У нас и между инвалидами очередь. Запомните номер заказа.

Она назвала четырехзначную цифру.

– Пустое дело! – сказал дядя Коля, когда мы вышли на улицу. – Четыре месяца надо, чтобы только бумагу сделать. А трубы сварить? Плиту поставить? Форсунку?... Года не хватит!..

– Ничего, – успокаивал я, – завтра приедем еще. Может удастся ускорить...

Дядя подвез меня к моему дому, и, расставаясь, мы договорились на завтра: он к четырем часам приезжает ко мне на работу, я как-то освобождаюсь, и мы продолжим начатое сегодня дело.

С утра меня загрузили большой и срочной работой – кто-то прибыл с проверкой, и нам поручили готовить разные справки.

Чудное дело эти проверки: приедут, раздадут вопросники, соберут наши ответы и по ним после делают выводы. Разве же кто напишет про себя что-то плохое?!.. Пишем только хорошее. Стараемся подробно ответить на каждый вопрос: хуже, если проверяющие в делах будут сами копаться.

На мою просьбу отпустить меня сегодня чуть раньше, начальник так посмотрел на меня, будто я чокнулся и просил об его собственной смерти.

– Надо сегодня же выполнить справку, – произнес он зловещим голосом.

Я понял, что без этой бумаги он меня не выпустит до утра, и с усердием принялся за ее сочинение.

Любое дело можно, при умелом подходе, закончить ровно тогда, когда сам захочешь. В половине четвертого я подошел к столу начальника со стопкой исписанных листов.

– Готово.

– Что готово? – устало поднял он голову.

– Справка готова, – скромно пояснил я. – Смотреть будете или сразу – в печать?

Он быстро пробежал глазами бумаги, хмыкнул довольно, завизировал и велел нести машинисткам.

– Так ты уходишь, кажется? – спрашивает, когда я отходил от стола, и на мой умоляющий взгляд кивает согласием. – Иди, иди, теперь тебе можно.

В кабинете Рыженко постоянно кто-то был из сотрудников. К нему входили, не считаясь с тем, что он не один, и не спрашивая разрешения войти. При такой системе работы мы могли бесполезно торчать в коридоре до самого вечера, и я за очередным посетителем просунул голову в кабинет.

– А, Валера! – улыбнулся мне Вячеслав. – Давай заходи, заходи смелее!

Увидев, что я смущенно оглянулся назад, он продолжил: «Да оба же и заходите!.. Сейчас я...»

Но это «сейчас» у него долго не получалось. В кабинет челноком продолжали снова сотрудники и непрерывно звонил телефон. Вячеслав вертелся, как акробат, и мне показалось, что ему даже нравится такая суматошная обстановка. «Слушаю вас! – закончив едва разговор со стоявшей перед ним женщиной, кричит он в телефонную трубку. – Слушаю вас, геноссе Винокуров! – и отвечает напевно, видимо, на приветствие. – И, поверьте, что это взаимно!.. Так что у тебя?.. Адрес?.. Записываю... Фамилия – Винокурова? Нет?.. Так, записываю: Назарова Нина Ивановна... Водопровод... Кем же она тебе эта Нина Ивановна? А-а... Да нет, нет, что ты, я верю... У нас так часто бывает. Приходит один и просит для сестры проект сделать. Как фамилия у сестры, спрашиваю, а он достает бумажку и читает. Да, нет – верю, что ты... Конечно здесь другой случай! Сделаем. Ну будь... И тебе такой же категорический привет! Да, да, погоди!.. Я слышал, что у вас японские термосы есть... Есть?.. На два литра... Пару... Премного благодарен. Я подошлю шофера... Ну, будь»...

Положив трубку, Вячеслав хитро подмигнул мне: «Перестраиваемся. Заводим деловые контакты... Ну, что у вас? Оплатили? А где документы?.. Зинаида Ивановна! Принесите мне документы Семенова!

В дверь, через которую вчера ломались просители, вошла уже знакомая нам блондинка, и положив на стол паку, вышла. По цепкому взгляду, с которым Рыженко просматривал документы, я понял, что живость в его поведении не означает поверхностного отношения к делам.

Пролистав папку, он опять позвал Зинаиду Ивановну.

– Значит так, – наставлял он ее, – пройди к сантехникам и скажи, чтобы дали кого-нибудь. Чтобы послали вот к нему на замеры. Когда вам удобно? – повернул он голову ко мне.

– Хоть сейчас, – уловив суть, ответил я сразу. – Мы – на машине.

– Отлично. Тогда пусть сейчас и поедет... И проследи за этим заказом...

Зинаида Ивановна молча кивнула и пошла уже к выходу, но в самых дверях ее чуть не сшиб с ног разъяренный мужчина, в котором я узнал вчерашнего бегуна в голубом свитере, хотя одет он был сейчас по-другому. Вместо свитера – добротный пиджак, отутюженные штаны, начищенные ботинки. Словом, не по-спортивному, не так как вчера. Посчитал, наверное, что беготня кончилась. В руке у него был журнал. Как оказалось, – регистрационная книга.

– Как же так?! – восклицает он возмущенно. – Мне – через три месяца, а тому, кто после меня, можно и раньше?!.. Вот! – тычет он пальцем в регистрационную книгу. – Я этого знаю! Торгаш! В один день вчера были! Ему срок назначили – на той неделе, а мне – через три месяца!.. Я к прокурору с этим журналом пойду!

– В чем дело? – хмуро спросил Рыженко у Зинаиды Ивановны. – Почему служебные документы у посторонних?

– Я, Вячеслав Константинович... Он попросил узнать только номер заказа... А видите как.

– Не хорошо поступаете, уважаемый, – укорил Вячеслав просителя, – нарушаете... Давайте-ка сюда документы... Так.. Вы о Феклистова говорите?.. Ну и что?.. Он – участник войны, инвалид.

– А я?! – вновь воскликнул мужчина. – А я кому добиваюсь?! Вообще паралитику! Он дома лежит, а я ношусь с его просьбами!

И он сбивчиво рассказывает жуткую историю о брошенном старике, которому предстояло одному остаться в зиму в не отапливаемом доме.

– Родственников у него не осталось, в дом престарелых не хочет. Мы по-соседски следим как умеем...

Меня рассказ этот просто потряс. Дядя Коля тоже стал мрачен. Вячеслав смотрел в упор на исписанные адресами страницы, но верно лишь для того, чтобы не выдать волнения.

– Зина, – наконец произнес он негромко, – сделайте так, чтобы проект был готов в этом месяце.

Надо было видеть, как просияло лицо у просителя. Он, униженно улыбаясь, забормотал благодарности. От грозного разоблачителя ничего не осталось. Что-то лепеча раболепно, он вышел за Зинаидой Ивановной.

– Вот так и живем, – с грустной усмешкой сказал Вячеслав, когда мы остались вдвоем, – балансируем между коньяком благодарности и мечом прокурора... Третью города в халупах живет. Кому – водопровод, кому – канализация, кому – газ...

– Почему же не расширят бюро? – спросил я. – Здесь институту хватит работы.

– И не на один год, – подтвердил Вячеслав. – От кого зависит сие, те, мой хороший, мытарств этих не ведают. В другом мире живут. Начинаешь им говорить – не верят. Скорее, не хотят верить. А сами ничего поделывать не можем – бюджетники.

– Можно, Вячеслав Константинович? – пробасил, показавшись в двери, молодой человек.

– А, заходи. Ты поедешь? – спрашивает Вячеслав, отвлекаясь от тягостной темы, и начинает его инструктировать: что, как и когда следует сделать.

Из их разговора я понял, что проект может родиться, если не завтра, то, в крайнем случае, – в понедельник. Вот тебе и три месяца!

– Ладно, Валера, забегай, если что, – Слава пожал мою руку, – передавай всем нашим привет, если увидишь кого. А сейчас поспешайте: время, как теперь говорят, – деньги.

Мы приехали во двор дяди Коли. Газовщики там еще не работали. Парень, направленный Вячеславом, провел с нами около часа. Десять минут ушло на замеры, остальное время – на дегустацию отменного первача, который дядя одолжил у соседа. Взяв с собой в подарок бутылку, парень пообещал сделать проект уже завтра, и обещание выполнил. В пятницу, в конце дня, дядя приехал ко мне на работу и, довольный, поглаживал тонкие папки проекта.

Дальше он уже крутился один: меня отправили в долгосрочную командировку, и когда я вернулся, в домишке уже был газ. Вместо дровяной печки, стоял газовый котелок, под окнами висели две батареи, белела двухконфорочная плита.

Дядя пребывал в великом восторге и неустанно хвалил Вячеслава.

– Удивительный человек! – говорил он с большим уважением, которое не часто проявлялось у этого обойденного счастьем военного пенсионера. – Он сам даже в горгаз позвонил, чтобы те свою часть сделали побыстрее. Объяснил им что-то по-своему... Вот бы каждому так...

Да, у всех остальных сложится по-другому. Мне вспомнился и бегун в голубом свитере, и мужик с выпученными глазами, с его незабываемым «Пу-уф», и другие, кто ломился в двери Рыженко. Многим из них придется ожидать отведенные месяцы.

– Неловко все же, – как бы поняв мои мысли, вздохнул дядя Коля. – Из-за меня кому-то придется ждать еще дольше.

– Ничего, они и другим быстро сделают, – попытался я его успокоить, хотя сам в то, что такое возможно, не верил.

В день зарплаты я купил бутылку с самым дорогим коньяком и на трамвае поехал к Рыженко. Там у нас обнаружилось расхождение во взглядах на эту бутылку, и возникла дискуссия. Вячеслав говорил, что с его стороны будет свинством, если он с приятелей будет брать мзду, я же уверял его, что никакая это не мзда, а просто-напросто – знак благодарности, и свинство будет уже с моей стороны, если этот знак он не примет. Как ни убеждал я его, как ни уговаривал – он стоял на своем. В конце – концов мы пришли к компромиссу, и вдвоем уговорили... бутылку.

1991 г.

Незаурядный водопровод

Первый понедельник июля. В кабинете Скорина, начальника строительного управления, собралось человек тридцать работников вызванных им на важное совещание. Управленцы заняли места за длинным столом, примыкавшим к столу начальника, линейный персонал разместился на стульях вдоль стен. Ждали, когда Скорин закончит разговор с главным бухгалтером, который полусогнувшись стоял рядом с ним говорил возбужденно о чем-то и водил указательным пальцем по листу бумаги, лежавшем перед начальником.

Скорин слушал, кривил губы и хмурился. Он был высок, широк в плечах, тучен. Подвижность его мимики никак не вязалась с такой могучей фигурой.

Люди, видя, что начальнику пока не до них, переговаривались вполголоса, шутили, и в кабинете то нарастая, то затихая, стоял неумолкаемый шум.

Наконец бухгалтер отошел от начальника, оставив у него документ, возбуждавший эмоции, и сел рядом с главным инженером на стул.

– А ну, тихо там! – грозно приподнял голову Скорин.

Голос его соответствовал внешности – густой хриплый бас. Он хлопнул по столу тяжелой ладонью, и гомон сразу улегся.

Скорин обвел глазами присутствующих.

– Евдошенко не вижу!.. Где Евдошенко?!

– Он сейчас, Он справку заканчивает, – ответила скороговоркой женщина, привстав за столом. – Вы велели дать вам итоги за полугодие, чтоб рассмотрели сегодня...

– И что же?!.. Как всегда не готовы?.. У вас, как там у студентов, времени всегда не хватает?!.. Производственники!!! У вас итоги всегда под рукой должны быть, как у монаха молитвенник!

Скорин был явно не в духе. Организация, которой руководил он, сползала неудержимо к краю финансовой бездны. Отказ банка в кредите, о чем только что сообщил главный бухгалтер, придаст такому сползанию сокрушающее ускорение. Долги украсятся штрафами, пенями, неустойками и – поехало, покатилось. Такая перспектива была реальной, и это бесило начальника, он готов был сорвать свою злость на первом, кто даст к тому повод.

Таким человеком мог стать Евдошенко, начальник производственно-технического отдела, хотя бы за опоздание, но он уже появился в двери кабинета.

Маленький, щуплый, подвижный, как головастик, Евдошенко, поймав гневный взгляд Скорина, сжался и скользнул на место, закрепленное за ним на время производственных совещаний. Шмыгнув фиолетовым носом поклонника Бахуса, он протянул Скорину большой лист бумаги, испещренный различными цифрами.

Скорин с минуту всматривался в него с брезгливой гримасой.

– Нет, вы только гляньте, что здесь нацарапано! – воскликнул он возмущенно и опять обрушил на стол свою тяжелую лапу. – Что ни объект, то выполнение – на девяносто девять процентов! Все как один закрыты на девяносто девять процентов!.. В конце прошлого года они были готовы на девяносто девять процентов, и сейчас, через семь месяцев, – все те же девяносто девять!.. Вы что?! – жарко выдохнул Скорин. – Совсем ничего не делали в этом году?!..

Ответом ему были тяжелые вздохи сурового вида людей: начальников участков, прорабов и мастеров. К ним адресовал свои претензии Скорин в первую очередь. У каждого из них были, конечно, свои объяснения, но что толку от объяснений, когда видно, что наступил крах. Скорин и не нуждался ни в каких объяснениях: причину он знал превосходно. Он сам заставлял линейщиков делать приписки в объемах работ – жизнь вынуждала идти на такие приписки.

Верилось, что дальше будет возможность войти в нормальную колею, что будет получше с техникой, со снабжением – догоним, уговаривал себя он, перекроем не сделанное...

Те, кого обвинял сейчас Скорин, тоже знали его причастность к припискам, однако никто не напомнил об этом. К обвинениям, часто не справедливым, строителям было не привыкать. Пусть начальник разрядится – пока ведь льются только слова.

Скорин тоже понимал бессмысленность словопрений – деньги от них не появятся, но что было делать?..

И тут, при тягостном молчании других, в дальнем углу кабинета поднялся круглолицый, рыжеволосый, похожий на цветущий подсолнух, Шашкин, самый молодой из прорабов. Он вел работы в отдаленной, на самом краю области, деревеньке с названием Скользкий Бугор. Там, в обмен на голоса избирателей в пользу сегодняшнего губернатора, жителям было обещано построить в деревне водопровод. После выборов управление Скорина получило заказ на строительство.

Шашкин редко выступал на производственных совещаниях по своей воле и всегда волновался. Из его путанной речи многоопытный Скорин отцепил главную мысль: объект Шашкина был готов к сдаче и на нем «не было взято еще ни копейки!»

Первым чувством у Скорина от такого известия было недоумение: как мог он прошляпить целый объект?.. Потом он вспомнил, что водопровод в деревне Скользкий Бугор был объектом очень не выгодным для управления: от базы он удален, трудоемок, технически сложен для выполнения и к тому же деньги за него можно было получить только при его стопроцентной готовности. Отказаться от него было нельзя: все-таки обещание самого губернатора, но и выкладываться на нем Скорин не собирался. Около года, примерно, назад объект закрепили за Шашкиным, выпускником института, и тут же забыли. И про объект, и про Шашкина.

– Ты не путаешь ничего? – с недоверием спросил Скорин. – Говоришь, какая готовность объекта?

В сторону Шашкина повернулись головы всех участников совещания, и лицо его еще больше зарделось.

– Все полностью выполнено. Все по проекту. Трассу опрессовали, промыли, продержали с хлорной водой. Осталось санэпидстанции взять пробы воды, и можно вызывать комиссию для приемки...

– Совещание закончено! – пристукнул рукой по столу Скорин. – Даю вам месяц для исправления! Если опять кто притащит ту же незавершенку – все! Будем прощаться!.. Ты, Шашкин, не исчезай. Дождись сейчас главного инженера и Евдошенко: обсудите, как провести беспрепятственно сдачу.

Со вздохами облегчения – впереди целый месяц – участники совещания зашпешили к дверям. В кабинете остались Евдошенко и главный инженер Кудряшев.

– Насколько я понял, – обратился к ним Скорин, – Шашкину предстоит самое главное – за щититься в санэпидстанции. Это только ему кажется просто: привез лаборантку, взяли с ней пробы и уже все в порядке. Не-ет! Я-то уж знаю, как наши работнички трубы развозят по трассе – волоком! Цепляют за трактор и тащат! Раструбы не закрывают, гребут в трубу и землю, и все, что на ней! Один раз дохлую кошку втянуло!.. Кто там, на этом Бугре сле дил за работой? Шашкин? Он же пацан! Из вас кто-нибудь ездил туда?..

Кудряшев и Евдошенко смущенно молчали.

– Я так и знал! А за работягой глаз да глаз нужен. Ему что, ему только горло драть – наряды мало закрыли, да напиться с получки. Так с дохлой кошкой и зачеканит трубу... Один Шашкин не выгребет против санитарных врачей. Надо нам подключаться. Объект этот – ох, как нам нужен! Деньги бюджетные – с банком будет проще договориться... Ты, – Скорин уперся взглядом в узколобое лицо Евдошенко, – займешься санэпидстанцией и всеми бумагами. Подготовь акты, приказ на комиссию... У санитарников действуй по обстановке. Обещай чего –

нибудь, если надо. Помнишь, как в Николаевке было? Там тоже на дыбы они встали! Хоть разрывай все траншеи и заново делай, а как отвезли им семь ящиков плитки – все! Вопросов не стало... А ты, Петр Васильевич, держи на контроле и помогай, если потребуется. Дело, еще раз говорю, для нас жизненно важное.

На другой день рано утром Евдошенко на машине главного инженера выехал в районную санэпидстанцию, под надзором которой находился Скользкий Бугор. А уже вечером он вошел в кабинет Скорина, расплываясь в улыбке.

– С санитарниками полный порядок! – бодро доложил он и, ухмыльнувшись, покачал головой. – Везде стали лень и халтура! Даже там перестали работать! Раньше их представитель сам все колонки общупает, сам набирает воду из разных точек. Акт составляет: когда взяли, сколько взяли, откуда. Все как положено. Я и рассчитывал, что их придется по трассе возить, Петр Васильевич свой газон выделил. А там чего получилось?!.. Главврач говорит:

«Сегодня мне послать некого. Если быстро вам надо – берите пузырьки, наполняйте их сами, а мы здесь постараемся сразу сделать анализ». Ну я им и наполнил! Взял и налил в пузырьки у них же из крана, который находится в туалете. Часа два помотался по магазинам и отнес на анализ. Обещали уже завтра дать заключение.

– Молодец! – сказал одобрительно Скорин. – Немного не честно, конечно, да ничего. Я заставлю Шашкина вылизать эти трубы!.. Хотя... Сельчане сами их и промоют – не будут же они грязную пить! Грязь, ее сразу, без лаборатории видно. Отстоят, прокипятят, профильтруют. Еще спасибо нам не раз скажут. Сколько веков из речки носили, а здесь – нате вам: перед домом – колонка!.. Ну, вцепились бы санитарники, – продолжал рассуждать Скорин, как бы успокаивая свою совесть, – только нервотрепка была б и ничего больше: люди все равно брали бы воду из наших колонок – не на реку же ходить им теперь, когда вода рядом. А на речке она разве чище?!.. В общем все правильно! Готовь приказ на комиссию.

Через день Евдошенко вновь поехал в райцентр, теперь за результатом анализов. Вернулся он удрученный и озадаченный.

– Забраковали! Говорят, что не соответствует Госту! – удивленно восклицал он в кабинете начальника. – Чего только не нашли они в этой воде! И осадок, и гнилостный запах, и кишечные палочки! Черт! Как начали все называть – меня затошнило! Так на языке и вертелось спросить: как же вы сами-то пьете такую воду?!

Скорин слушал, нахмурясь, и барабанил пальцами по столу.

– Что же ты теперь предлагаешь? – спросил он несколько отчужденно.

– Не знаю, – растерянно отвечал Евдошенко.

– Не знаю!!! Это, между прочим, твоя вина, что бардак на объектах! Что ни объект – недоделки, что ни объект – брак! Отдел-то у тебя, ты помнишь какой?!.. Производственно – технический! Производственный – на первом месте! А производством вы занимаетесь?!.. Только бумагами занимаетесь! Потому и незавершенки годами висят по девяносто девять процентов!.. Не знаю! – передразнивает Скорин съездившегося подчиненного. – А надо знать! Решайте с главным инженером, как будем выпутываться, но заключение чтоб положительным было!..

– Может, воду из города привезти? – предложил Евдошенко. – У меня теща в центре живет, в бывшем обкомовском доме... Может – оттуда?

– А вот теперь я не знаю!.. Попробуй, но толку, думаю, мало. Я тоже в центре живу, но воду жена всегда отстаивает перед тем как что-то готовить. А в чайнике все равно – всегда есть осадок... Может, в обкомовском доме она и почище... Должна быть почище.

Вода, привезенная Евдошенко из дома, где живет его теща, тоже оказалась не пригодной для пищевых целей.

– Кишечные палочки имеются, правда, в меньшем количестве, – сказал главный врач, подписывая заключение, – но все же имеются, вода очень и очень плохая. Продолжайте промывать и хлорировать трубы.

В кабинете Скорина Евдошенко удрученно оправдывался:

– Я пробовал уговорить его. У них там – страшно войти: штукатурка в коридоре осыпалась, линолеум вздулся, в санузле – только следы остались от плитки. Я говорю: поможем материалами, только пересмотри заключение. Он – ни в какую! «Да как я могу?! Это же уголовное преступление! У меня дети!»... Я опять чуть было не высказал ему: как же вы сами употребляете эту гадость? И весь район травите.

– Вот бы глупость спорол, – буркнул недовольно Скорин.

– Да это я так, к слову. Не сказал бы конечно.

У Скорина после этих известий едва не случился нервный припадок, и вылилось все почему-то в жгучую ненависть к Шашкину.

Скорин был закален в борьбе с неприятностями, он был настроен на эту борьбу. А здесь – коварная, расслабляющая уверенность в легком успехе, и – неожиданный срыв.

– Башку оторву этому рыжему! – сквозь сжатые зубы пробормотал он и велел секретарю поменять воду в графине.

– Так только утром чистой заправили, – недоуменно сказала женщина.

– Смени, тебе говорят!!! – рявкнул Скорин. – Рассуждать научились!.. Шашкина ко мне! Срочно!..

– Он у себя на объекте...

– Послать за ним! Чтобы утром был у меня!

За ночь Скорин не успокоился.

– Ты чего?! – встретил он окриком Шашкина. – Ты чего мне мозги канифолил?! Где твой хваленый водопровод?!

Шашкин, остановившись в двери кабинета, непонимающе хлопал глазами.

– Чего вылупился?! – гремел начальственный бас. – Иди ближе! Докладывай!

– Я... Я не знаю... А чего?.. У меня все готово...

– Готово! Как же! А санитарники?!..

– Вчера взял у них заключение, – Шашкин раскрыл свою папку и, нервничая, начал рыться в бумагах. – Вода хорошая... Не плохая... Надо комиссию на приемку...

– Что-о? – недоверчиво протянул Скорин. – Какая – хорошая-неплохая? Чего ты буровишь?! Где заключение?!

– Вот.

Шашкин нашел наконец в потрепанной папке бланк заключения санитарных врачей и протянул его начальнику.

Скорин быстро прочитал документ, но не усвоил сразу его содержание – сказалось нервное напряжение. Прочитал снова, потом еще раз, заставляя себя вникнуть в написанное. Понял наконец, но не поверил. Не может быть, чтобы сразу оказалось так хорошо, такого у них еще не бывало! Главный санитарный врач подтверждал, что вода соответствует ГОСТу и пригодна для хозяйственно-питьевых нужд.

Шашкин тем временем торопливо досказывал:

– ... Мы же старались. Делали так, как нас учили: несколько раз промывали, хлорировали. И с трубами мы – аккуратно: развозили их на прицепе, разгружали прямо на бровку траншеи. Вручную...

Скорин оторвал свой взгляд от бумаги и перевел его на переносицу Шашкина. Грозный вид его постепенно смягчался, глаза заблестели весельем, и он вдруг оглушительно захохотал.

– Ай, молодец!!! Вот так Шашкин! Вот так Скользящий Бугор!.. Какая вода! А?!.. Обкомовские водопроводы! Райцентровские! Тьфу! Куда им до шашкинского!.. Молодец, Рыжик!

Раскаты хохота Скорина разносились по всей территории. Дребезжали раскрытые окна, а у проходной во дворе заливались лаем собаки.

1992 г.

Рэкетирша

Бывшие одноклассницы завидовали Марине по-черному: она уже нашла свое «место под солнцем», а они продолжали бродить неприкаянно по улицам равнодушного города.

За воротами школы выпускниц закружила суетливая пустота и тут же отбросила их, словно мусор, на обочину жизни. Голубые мечты о занятиях в вузах и техникумах натолкнулись на выразительный кукиш и безнадежно развеялись. Продолжить учение можно было только за деньги, притом за такие, какие родителям девушек разве что снились. С работой у них тоже не клеилось – негде. Работу не находили себе даже специалисты со стажем.

Молодых людей полных сил и энергии угнетала ненужность их современному обществу, но почему-то так получалось, что мишенью, куда, встречаясь, запускали они стрелы своего раздражения, всегда становилась Марина. По их еще полудетским понятиям хорошо должно быть или всем, или же никому.

Возбудителем зависти и неприязни выступала обычно Сонечка Пферд. В школе она называла себя лучшей подругой Марины, и целый год сидела с ней рядом за партой.

– Надо же, надо же! – стрекотала теперь Сонечка, как сорока. – Какое счастье выпало этой пустышке! Училась хуже других, все контрольные у меня списала, и на вид – страхолюдина, а какое великое счастье!

Юная интригантка распространяла неправду. В школьном свидетельстве у Марины не было троек, и внешность ее была без изъянов: высокая, статная, голубоглазая, со светлыми волнистыми волосами. Рядом с плюгавенькой Пферд Марина смотрелась настоящей красавицей.

Счастье Марины обитало в стандартном газетном киоске, который выкупил у хиреющей Роспечати смуглокожий Руслан, богатый пришелец с отрога Кавказа. Горец из бумажной продукции уважал только деньги, и потому сразу вышвырнул в мусорный бак пыльные пачки непроданных газет и журналов, а киоск заполнил товарами в духе своих представлений о жизненных ценностях. Здесь теперь красовались ароматные кремы, духи, лосьоны, помады. Все в нарядных, соблазнительных упаковках, все, если верить их этикеткам, заграничного изготовления. Аульчанин угадал интересы жителей крупного города – у витрины всегда толпился народ, всегда была не скудная выручка.

Сам Руслан товары не продавал, нанимал для этого реализатора – профессия, порожденная рыночной экономикой. И вот, Марина, не сумевшая, как и подруги, попасть в институт, уже два года как работает здесь.

Потеря надежды на карьеру врача огорчала, конечно, несостоявшуюся студентку, и она не сразу утешилась, даже получив место, вызывавшее жгучую зависть у сверстниц. Настроение исправили деньги. Здесь Марина впервые познала их силу и значимость в человеческих отношениях, в формировании мировоззрения. «И не надо мне никаких институтов! – где-то через полгода размышляла она под приятную музыку японского магнитофона – ее первой покупки на свои деньги. – Вон они, учителя и врачи, только зубами щелкают перед витриной – купить хочется, а не могут! Денег нет, хотя столько учились! А я вот – могу!»

А спустя еще несколько месяцев Марина уже так дорожила своим местом в тесноватом киоске, что часто с трепетом думала: а ведь его могло и не быть. Ей вспомнился день, когда она оказалась здесь абсолютно случайно. Она тогда возвращалась домой в самом мерзопакостном настроении: ее попытки устроиться хоть на какую работу снова закончились неудачей. Дома ждала ее беспросветная бедность и неуют, домой идти не хотелось.

День был холодным, ветреным, начинал накрапывать дождь. С тяжелыми мыслями Марина шла по территории продуктового рынка, и вдруг из окошка киоска, похожего на газетный, ее громко окликнули:

– Марина! Мариночка! Секундочку обожди!

В окошке показалась рыжеволосая голова, в которой Марина узнала Тамару, с ней они когда-то ходили в музыкальную школу.

– Марина! – продолжала Тамара радостным тоном. – Сто лет тебя не видала! Заходи ко мне, поболтаем!

Марина, поколебавшись, обогнула киоск. Тамара ждала ее на пороге, распахнув настежь неширокую дверь.

Внутренний вид киоска производил приятное впечатление. Марина восхищенно осмотрела все полки, заставленные красочными коробочками, ощутила их чарующий аромат.

– И это – твое?!..

– Конечно же, нет, – засмеялась Тамара. – Я здесь только реализатор. Наемный работник. Но хозяин – хороший, хотя и кавказец. Зря не кричит, не скупится. Я почти год у него.

Тамара все так же любила поговорить. Она подробно рассказала о том, как попала к Руслану, сколько он платит, за что, и вдруг просяще сказала:

– Мариночка, у меня к тебе есть и просьба, и предложение! Мне очень надо на недельку уехать из города, а Руслан меня не отпускает, говорит: «Товар на кого я оставлю?». Поторгуй, пожалуйста, за меня! Всего одну лишь недельку!.. Денюшку зарабатываешь, и если Руслану понравится, он и тебе что-нибудь подберет. У него здесь на рынке все схвачено. Есть еще несколько точек.

Марина, растерявшись, молчала. Тамара усилила нажим:

– Ничего сложного нет: сиди и слушай магнитофонные записи! Товары только что завезли, цены проставлены на образцах, здесь и ребенку по силам... Выручай, Марина, прошу! А к новому поступлению товара я уже возвращусь... Мне очень надо, а другому я довериться не могу... Соглашайся!

Марина еще ничего не успела ответить, как дверь киоска открылась и в проеме появился угрюмый мужик. Он был в черной куртке, широких штанах без стрелок и начищенных до блеска черных полуботинках.

– Почему не торгуешь? – спросил он Тамару и обжег Марину подозрительным взглядом.

– Я сейчас... Я всего на минуточку, дядя Руслан...

Марина метнулась к окошку и убрала заставку с надписью «Перерыв», потом опять повернулась к хозяину:

– Вот, дядя Руслан. Марина вместо меня может остаться, я договорилась, правда Мариночка?!.. Она очень порядочный человек! Ладно, дядя Руслан?.. Вы же сами сказали, чтобы я подыскала замену...

Мужик тяжело посмотрел на Марину, помолчал.

– Хорошо, – промолвил он наконец. – Расскажи ей, что здесь и как. Пускай пока поработает.

Марина, как видно, понравилась черноголовому предпринимателю, и когда Тамара вернулась, Руслан ее не принял обратно.

– Не нада, – сказал он брезгливо, – пускай теперь Марина торгует...

И Марина осталась. Какое-то время на нее давил груз вины перед подругой, но потом полегчало, она успокоилась. «Сейчас каждый сам за себя! – повторяла она чью-то фразу, сказанную по телевизору. – Сейчас главное – деньги!»

Деньги здесь были хорошие. Кроме доли от продаж косметическо-парфюмерных изысков, имелись и другие доходы. Время от времени в киоск заходили мужчины с устрашающим обликом. Оставив у порожка портфель, чемодан или сверток и сказав: «Передашь это

Руслану», они исчезали. Что было в приносимых поклажах, Марина не знала. Руслан никогда не распаковывал их в киоске, все сразу куда-то переправлял, а ей после таких посещений выдавались приличные премиальные. «Хорошо, что не любопытная и язык умеешь держать за зубами», – похвалил ее однажды Руслан при выдаче денег.

Марина приобщалась к чему-то туманному, возможно, предосудительному, но это ее не тревожило – все заслоняли собой реальные деньги.

Забывалось время бесплодных полуголодных скитаний по улицам города, время отчаяния, притуплялось чувство неловкости перед Тamarой. Грустные мысли навещали ее теперь все реже и реже. Повод для их появления создавал только отец, мечтавший, как он говорил, вырастить дочь человеком. По своим, устаревшим суждениям, под «человеком» он видел сочетание двух составляющих: высшее образование и работу в каком-нибудь, но обязательно государственном учреждении.

– Какая у тебя там, к черту, работа! – заводился он иногда вечерами. – Все на птичьих правах! Ни трудовой книжки нет, ни отпусков, ни больничных! Не понимаю я такую работу! Взбредет в башку этому азиату выгнать тебя – выгонит! И никто на защиту не встанет – не оформлена как полагается!

Мать в таких случаях прерывала супруга вопросом:

– А чего ты конкретного предлагаешь?!.. Возьми и помоги ей устроиться на работу, о которой ты говоришь! Где было б как раньше: трудовые книжки, парткомы, профкомы, комсомольские организации. Все это в прошлом! Сейчас специалисты с дипломами шатаются не у дел, а она – девчонка еще!.. Девчонка, а денег приносит поболее твое!

Отец сконфуженно умолкал, мать улыбалась ободряюще дочери, но неприятный осадок после таких разговоров у Марины все-таки оставался. Убирали его все те же всемогущие деньги. Они прогоняли грустные мысли о настоящем и будущем.

Марина не знала ничего о каких-то там профсоюзах и знать, в общем-то, не хотела. Ей стало хорошо наконец, кончилось убогое прозябание. Что будет дальше?.. А почему должно быть ей хуже?!.. Работа ей нравилась, условия – тоже. Зимой в киоске было тепло – работал электрический обогреватель, кондиционер легко справлялся с летней жарой. Отношения с хозяином не выходили за пристойные рамки, он казался серьезным, предусмотрительным дядькой. Каждое воскресенье вечером он выдавал ей недельный расчет, при этом не мелочился. В понедельник можно было брать выходной, но Марина часто работала и в понедельники, и это хозяину нравилось.

Приятное разнообразие в устоявшейся торговой жизни Марины появлялось в летние месяцы, когда неподалеку от продуктового рынка, с левой стороны от киоска, возникал стихийный базар с продавцами фруктов и овощей, выращенных на местных садово-огородных участках. Продавцы, в большинстве своем, – женщины с загоревшими лицами и на труженными руками. Ведра, коробки, корзины, наполненные плодами многодневных трудов, они расставляли прямо на тротуаре, сами усаживались на нехитрые приспособления, а то и просто на бордюрные камни, и извлекали весы всевозможных конструкций.

Этих людей горожане с нетерпением ждали: цены у них были низкими, не такими как у перекупщиков, всевозможных торговцев на рынке. Торговля шла бойко, и продавцы, и покупатели были довольны.

Однако безоблачная атмосфера в природе наблюдается редко. Проблема существовала и здесь...

Торговать вне территории рынка городские власти не разрешали под предлогом борьбы за чистоту города в прямом и аллегорическом смыслах. Но огородники на рынок не шли из-за высокой платы, взимаемой там за торговое место. На рынке им было просто не выгодно, и они упорно садились на тротуар.

Работники милиции, дежурившие на рынке, обязаны были следить за исполнением решения местных властей, и они разгоняли незадачливых продавцов, но как только милиция удалялась, ведра, кошелки, коробки снова вырастали на тротуаре.

Такая игра в кошки-мышки продолжалась до времени, пока в голову кому-то из огородников не пришла конструктивная мысль: в милиции служат обыкновенные люди, давайте попробуем делиться с ними доходами, глядишь, они и отвяжутся. Торговцы скинулись по рублю, и кто-то отнес эти деньги на пост. В этот исторический день представители власти проходили сквозь ряды нарушителей мэровской директивы как бы с невидящими глазами. Стало понятно, что достигнут консенсус, взаимовыгодная договоренность. За ее соблюдением обе заинтересованные стороны впоследствии пристрасно следили. Милиция иногда появлялась со словами запрета торговли, но продавцы уже правильно понимали, что это всего-навсего напоминание: не забывайте платить. И они, конечно, не забывали. Приходил сборщик денег – доверенное лицо милиции, получив деньги, он удалялся и торговать беспрепятственно можно было хоть круглые сутки.

Этот порядок был установлен давно, до появления в киоске Марины, а сборщиком денег оказался молчаливый, но расторопный Руслан. Он стал надежным посредником между милицией и торговцами.

В прошлом году по каким-то соображением часть своих функций Руслан возложил на Марину. Деньги в милицию он носил по-прежнему сам, но собирать их заставил Марину. Когда он объявил ей об этом решении, Марина заволновалась:

– А вдруг они не будут мне отдавать?..

– Будут! – заверил Руслан. – Или пусть идут за прилавки, там с них втрое получают!.. Если кто только откажется – запомни и покажи мне.

Два дня они вдвоем обходили торговцев, на третий Руслан ей сказал:

– Теперь работай сама. Тебя со мной они уже видели, каждый все понял. А тем, кто не понял, ты скажешь, что ты теперь вместо меня.

Первые дни Марина замечала, что Руслан ее подстраховывает: если возникала заминка, он – тут как тут. Но она быстро освоилась, обрела уверенность и даже почувствовала, что это занятие ей по душе – оно возвышало ее над безликой толпой. Она теперь казалась себе чуть ли не главным лицом на этом базарчике. Она продумала даже одежду, чтобы выглядеть соответственно своему высокому положению: ажурная, безупречно белая кофточка, дорогие джинсы в обтяжку, легкие туфельки. Для собираемых денег она купила удобную сумочку.

Марина часто представляла себя на базаре как бы со стороны: вот она нарядная, красивая, стройная с надменным лицом горделиво плывет среди покорно-заискивающих перед ней индивидов и дает им возможность вручить себе их скромные денежки. Кому-то она благосклонно кивает, кого-то одаряет приветственным словом.

Кроме чувства самодовольства, у Марины появились дополнительные доходы: часть собранных денег Руслан отдавал ей.

В этом году существенных изменений в заведенном порядке не произошло. Правда, размер оброка повысился, но продавцы понимали – инфляция и не возражали, повысив соответственно цены для покупателей. Все и в этом году шло по обкатанной схеме, но однажды Марина ошиблась, переусердствовала, зависила значимость своей роли. А ошибаться было нельзя, безжалостный рынок не прощает ошибок.

Тот злопамятный день начался как обычно и обещал быть даже приятным: солнечным, умеренно теплым и тихим. Около десяти часов Марина посмотрела сквозь стекла киоска налево. Тротуар был заполнен народом, по обеим его сторонам, как кочки, торчали бюсты торговцев, над ними густо маячили головы покупателей. «Пора!» – решила Марина.

Она заставила окошко фанерным щитком с надписью: «Скоро буду», повесила на плечо оброчную сумочку, посмотрев в зеркальце, взбила прическу, неторопливо вышла на улицу и закрыла дверь на замок.

Торговля шла бойко, и продавцы, поздоровавшись, отдавали ей деньги без лишних слов: некогда было отвлекаться на разговоры. Подошла Марина и к женщине неопределенного возраста, полноватой, в соломенной шляпе с большими полями и свободном сиреневом платье. Она, как ядреный гриб боровик, плотно сидела на табуретке. Раньше Марина ее здесь не видела, но женщина не казалась неопытным новичком: перед ней стояли ведра с аппетитными фруктами, на складном столике размещались циферблатные весы, банки со смородиной, малиной, крыжовником.

Марина взглянула оценивающе на женщину и на товар. Ведро с абрикосами было почти пустое, платить, стало быть, есть чем, не отвергнется словами: «Подождите немного – сей час только встала».

– Попрошу плату, мадам, – снисходительно обратилась Марина к торговке и встала перед весами.

– Какую плату? – подняла голову женщина. Голос у нее оказался тонким и резким. – За что должна я платить?!

– За право торговли, – спокойно пояснила Марина, и эти простые слова пробудили вдруг бурю эмоций.

– За что, за что? – напряглась женщина и тут же вскипела. – Мне надо платить за то, что я принесла сюда, на дорогу, за два ведра абрикосов?!.. Кто установил эту чушь?!.. И кто сама ты такая, позвольте полюбопытствовать?!..

Женщина стремительно входила в воинственный раж. Она или была истеричкой, или опытной склочницей, которой подарили возможность показать себя в полной красе. Ее лицо покрывалось красными пятнами, глаза засветились хищным огнем, шляпа поползла набок, через тонкие губы исторгался визжащий фонтан.

Марина смотрела на бесноватую тетку с насмешкой. Ей уже не раз доводилось остужать через чур воспаленные головы и ставить строптивых в смиренные позы. Для этого были безотказные средства. В словопрения обычно она не вступала, находила Руслана и сообщала, что на их корабле возник бунт. Потом она издали указывала ему на непокорного продавца, потом с удовольствием наблюдала, как у того начинали возникать неприятности.

Внезапно перед ним появлялись бравые парни в погонах, и оказывалось, что бузотер расположился на месте прохода, что весы у него не клейменные, и что вообще, согласно распоряжению мэра города, торговать надо в специально отведенных местах.

– А почему вы только ко мне придираетесь?! – ершился смутьян. – Смотрите: сколько здесь таких же торгует!.. Почему их вы не трогаете?!..

У блюстителей рыночных правил будто только что открылись глаза:

– Это касается всех! – повышал голос старший по званию. – На рынке полно свободных прилавков, прошу, чтобы через полчаса здесь не было никого! Всех прошу перейти на территорию рынка!.. Через полчаса вернусь и проверю!

Выдав такую команду, милиционеры удалялись, а смутьяна брали в оборот коллеги по торговому делу:

– Ну и чего ты добился?! Сейчас всех поразгонят! Пятерку поганую пожалел! Иди на базар – там с тебя пятнадцать сдерут! Жмот недорезанный! Из-за таких скупердяев порядочным людям спокойствия не дают!..

Ошарашенный этой атакой бедолага вот уже сам мечется среди толпы с пятеркой в руке. Разыскав Марину, он униженно просит ее принять от него эти деньги. Марина делает ему одолжение, и на стихийном базаре воцаряется обычный порядок. Милиция, конечно, больше не появляется.

По такому сценарию мог быть погашен и этот конфликт, но Марина замешкалась. Она увидела, что к бушующей тетке стали подходить люди, торговавшие рядом, они вразумляли смутьянку: «Чего ты орешь?! Она же не для себя собирает, а для милиции, чтобы они нас не гоняли. Уймись! Не жалея ты эту пятерку, всем хуже будет!»

Марина молча ожидала благоразумия женщины, но ее реакция на эти увещания оказалась совершенно другой:

– Милиции?! – завопила она. – И вы этому верите?!.. Она вас всех надувает! Пусть милиционер сам ко мне подойдет, я ему лично в руки деньги отдам, но только не ей!

Желтые глаза женщины округлились и с ненавистью уставились на Марину.

– Он у тебя не возьмет, – сказала Марина с презрением.

– Ты мне не тыкай! Соплячка!.. У меня не возьмет! Как же! У тебя тем более не возьмет!..

И нечего тут милицию приплетать, соплячка!

– Кто соплячка?! – затряслась от обиды Марина. – Да я уже два года как здесь собираю! Никто слова плохого про меня не сказал!

– Два года! – торжествующе воскликнула женщина и всплеснула руками. – Два года она людей обирает! Это же надо! Рэкетирша!

Марина поняла, что теряет позиции в баталии с сильным противником. Она посмотрела растерянно по сторонам, ища поддержку у других продавцов, но те почему-то теперь упорно отводили глаза, их поддержка перетекала на сторону воинственной женщины. Со биралась толпа. Покупатели, бывшие не в курсе подводных базарных течений, с интересом наблюдали за перепалкой и спрашивали:

– Кого поймали? Где рэкетир?..

Кое-кто на Марину показывал пальцем.

– Ну ладно! – зловеще сказала Марина. – Сейчас ты узнаешь...

Она хотела уйти и действовать по проверенной временем схеме, но этот момент был упущен.

– Куда?! – завизжала пронзительно женщина и, соскочив с табуретки, вцепилась в рукав Мариной кофточки. – Ты никуда не уйдешь! Мы с тобой здесь и сейчас до конца разберемся!

И она на весь базар заорала:

– Милиция! Милиция! Сюда! На помощь! Здесь рэкетирсы!

Марину обуял ужас. До нее вдруг дошло, что она оказалась в омерзительной ситуации. Ни Руслан, ни плечистые милиционеры ей сейчас не защитники: не будут же они признавать, что деньги собирались для них! Выкручиваться надо самой!

Марина резко подалась в сторону, рукав затрещал, но выскользнул из рук взбесившейся женщины. Марина быстро, размашисто зашагала прочь от нее в направлении своего парфюмерно-косметического убежища. Вслед ей неслись истошные крики:

– Держите ее!.. Рэкетирша!.. Милиция!..

Эти вопли хлестали ее, как бичом, и Марина поддала ходу. Люди шарахались в стороны перед тараном, мчавшимся напролом с обезумевшими глазами. Избежав столкновения, они смотрели девушке в спину с укоризной и удивлением. Остановить ее никто не пытался, и Марине казалось, что стоит только добраться ей до киоска, стоит спрятаться в нем, как ледяной сердце кошмар немедленно прекратится, она отсидится немного, и все образуется, все будет по-прежнему хорошо.

Но хорошее для нее уже закатилось, убежало, как молоко из кастрюли, и собрать его уже невозможно.

В киоске Марину караулил Руслан. Он все уже знал о случившемся и предпринял превентивные меры: закрыл наглухо ставни, а личные вещи Марины сложил в большую коробку и поставил ее возле входа.

Разговор с хозяином был коротким.

– Это, – Руслан ткнул пальцем в сумку с собранными деньгами, – это тоже твое! Ты их для себя собирала! Сюда больше не приходи!

– Так я же..., – вконец растерялась Марина, – я же хотела, как лучше... Зачем мне чужое...

– Уходи! – отрезал Руслан. – Быстро исчезни, а то арестуют!

Он почти вытолкнул Марину наружу, выскользнул сам и торопливо запер дверь на замок.

Теперь Марине никто не завидует. Ее снова видят на улицах вместе с бывшими одноклассницами. Теперь она с ними на равных: плохо стало одинаково всем. А Сонечка Пфферд опять называет Марину своей лучшей подругой.

1992 г.

Как себя чувствуешь, бабушка?

– Следуя нашим славным традициям, – провешала диктор местного радио во время утренней передачи, – мы продолжаем знакомить радиослушателей с замечательными людьми, с нашими яркими современниками. Тем самым мы отвечаем на письма, в которых их авторы обвиняют редакцию в засорении эфира рекламой и пустопорожними передачами... Летом прошлого года группа наших корреспондентов выезжала в одно из дальних сел нашей замечательной области, как говорится, в глубинку и привезла оттуда очень замечательный материал... Предлагаем отчет об этой творческой командировке, который, мы уверены в этом, удовлетворит запросы самых взыскательных слушателей... Включаем запись...

В репродукторе что-то хрустнуло, как сустав у ревматика, и задиристый голос, немилосердно картавя, радостно затараторил: «Мы, дорогие радиослушатели, находимся в древнем селении Радзине. Название это, как вы, несомненно, заметили, ассоциирует с именем великого вольного казака Степана Тимофеевича Разина и, возможно, имеет к нему какое-нибудь отношение. Вопрос этот требует своего детального изучения, но сейчас дело не в этом... В селе семнадцать, когда-то очень добротных домишек, и в одном из них доживает свой век Аграфена Михеевна Агеева, в прошлом скромная и безотказная труженица. Сейчас она на заслуженном отдыхе.. Мы находимся теперь в уютной и небольшой комнатенке, рядом с кроваткой Агрипины Матвеевны... Здравствуйте, Аграфена Матвеевна! Как вы себя чувствуете?..

Минуты две репродуктор молчал. Слышались только сопение корреспондентов и звуки, как будто бредут они по сельской улице после дождя. Наконец молчание прерывает голосок девочки: «Сейчас бабушке много получше»...

Голос корреспондента: «В беседе с Антониной Михеевной нам помогает ее внучка Аннушка. Мама ее где-то в городе, промышляет продукты, а Аннушка здесь, рядом с бабушкой... Аннушка – школьница, ей только тринадцать лет. А сколько лет бабушке?»..

– Много, – тихо говорит девочка. – Она уже старенькая...

– Нас уверяли, что она, якобы, с одна тысяча восемьсот девяностого года. Якобы так записано в книге регистрации сельсовета.

– У нас в деревне нет сельсовета, – вздыхает Аннушка.

– Одна тысяча восемьсот девяностые годы! – восклицает корреспондент. – Трудно такое даже представить такое! Полных сто лет, дорогие радиослушатели! И еще хвостик! Да какой уж там хвостик! Хвостище!.. Деятнадцатый век! Другая эпоха!.. Время, конечно же, сделало свое дело, не без этого, оставило свой безжалостный отпечаток на облике этой доброй старушки, но дело не в этом... Она выглядит совершенно не хуже, чем каждый из нас мог бы выглядеть в этом возрасте... Аграфена Михайловна, скажите, пожалуйста, несколько слов нашим слушателям... Вы меня слышите, Аграфена Матвеевна?.. Аграфена Матвеевна-а, ау-у...

– Бабушка уже третий год вовсе не слышит, – долгую паузу опять прерывает голосок девочки, – она уже вовсе глухая.

– Вот оно как!.. Ну, ничего, ничего, – бодрится корреспондент, не пасуя перед возникшими сложностями. – Мы попробуем поговорить с ней на пальцах! Это старый, дошедший до нас с древнейших времен, способ ведения переговоров. Он очень хорош в интервью с иностранцами! Проверено лично... Я попрошу своего помощника побеседовать с Антонидой Макаровой жестами. Коля, подойдите поближе, пожалуйста... Спросите, сколько у нее было детей...

Минут пять репродуктор давился невнятными звуками: видимо, Коля плохо владел техникой общения с иностранцами и потому помогал усердно себе мычанием и гуканьем.

Опять голос корреспондента:

– Вы понимаете нас, Алевтина Макаровна?.. Вы видите нас?.. Скажи, Анечка, а как у бабули со зрением?.. Когда ее осматривал доктор?..

– У нас в деревне докторов нету...

– Нет докторов, говоришь?!.. Вы слышите нас, господа?!.. Вот ведь дело какое! Анна Михеевна – совсем молодец! В такие-то годы обходиться без медицинской помощи! Не каждый на такое способен!.. Уверен, что достигала она этого путем воздержания. Говорят, что она в последнее время совершенно обходится без мясной пищи! Так это, Анечка?..

– Так. А сейчас мы обходимся без масла и сахара: денюшек нету...

– Да-а, тяготы нашего времени. Наши реалии, точнее сказать. Это понятно: холодные щупальцы беспросветной нужды дотянулись и сюда, до этого дальнего уголка. Но дело не в этом. Не надо только отчаиваться – было же и не такое. Помните, как у Некрасова: «Мы надрывались под зноем, под холодом с вечно согнутой спиной... Вынес достаточно русский народ»... А дальше – какой оптимизм! «Да, не робей за отчизну любезную: вынесем все, что господь ни пошлет»... Главное – вера! Вера в скорый конец! Мы уже в середине пути, и мы дошагаем до ручки, до ручки той спасительной двери... Конец приходит всему... Пришел он и нашему разговору. Мы прощаемся с милыми собеседницами. До свидания, Аннушка, до свидания, Аграфена Михеевна! Желаем вам еще долгих и долгих лет, здоровья и всего прочего...

Голос ведущего диктора:

– Нам остается поблагодарить наших коллег за столь содержательный материал, за то, что они познакомили нас с такой очаровательной бабушкой. Встречу с ней мы обязательно повторим в нашей вечерней программе... А сейчас для Аграфены Михеевны прозвучит веселая популярная песня. Исполнит ее заслуженный артист Бурятской республики Валерий Леонтьев, любимец нашей редакции.

1993 г.

Горечь от прошлого

Когда мой приятель начал перечислять наших общих знакомых, тех, кто, как он считал, тоскует по ушедшим, доперестроечным временам, и назвал фамилию Шпагина, я твердо сказал, что вот здесь он ошибся... Чтобы Шпагин сожалел о том прошлом?! Нет! Категорически нет! Я знал его мнение: он часто говорил о том периоде жизни, и – ни разу, чтоб с сожалением. При этом, он обязательно вспоминал один черный день, который уложил его на больничную койку и мог вообще для него оказаться последним.

В этот день Шпагин, относительно молодой и еще не лишенный хороших амбиций начальник конструкторского отдела, готовился к заседанию технического совета. На нем он должен был представить свою новую разработку – эскизный проект рыборазделочного автомата, с которым связывал большие надежды. Среди будущих оппонентов у него были недруги, и Шпагин готовился тщательно, старался предугадать все возможные, в том числе каверзные, вопросы. Он так увлекся, что телефонный звонок не сразу вернул его в реальную обстановку.

– Пал Саныч! – услышал он бархатный голосок Лиды, секретаря директора. – В два часа приглашаетесь в актовомый зал на совещание.

– По какому вопросу? – машинально спросил Шпагин, все еще оставаясь в мире цифр, проекций и формул.

– Не знаю, – ответила Лида, – Смирнов сказал, что вопрос – на месте... Разнарядка на консервный пришла, – добавила она скороговоркой и повесила трубку.

– Смирнов? Почему Смирнов? – недоуменно говорит Шпагин и смотрит, как, припадая на правую ногу, в кабинет входит Скоков, ведущий конструктор отдела. – Почему главный инженер, а не директор проводит совещание по направлению конструкторов на другие работы?

– Директор в срочной командировке, – пояснил Скоков, продолжая продвигаться вперед. – Вечером вчера в Москву вылетел. Говорят, что его переводят куда-то.

– Порядки у нас... – ворчит Шпагин. – Директора нет, а узнаешь об этом случайно. От своих подчиненных... Ты-то знаешь откуда?..

– Да так, – ухмыляется Скоков, – коридорное радио... А что-то случилось?..

– Опять людей отправлять на консервный. Будь он неладен.

Со всех сторон известие было не из приятных: опять, теперь уже без сомнений, «сгорал» план отдела, опять предстояли унижительные уговоры сотрудников, не верящих больше ни в призывы, ни в лозунги, ни в то, что они действительно где-то необходимы. Когда отправляли на этот консервный предыдущую группу и парторг заговорил о сознательности, патриотическом долге, раздался хохот: «Вы бы приехали сами туда, посмотрели бы на этот „долг!“ Нас полы подметать заставляют и банки подтаскивать! Они дурят вас – у них другие причины провалов, а говорят, что людей не хватает!» Такой поднялся галдеж!

«А теперь и уговаривать некого, – задумался Шпагин, забыв про вошедшего. – Тех, кого можно было отправить, уже всех отправили. Остались больные, со справками...»

Тяготило Шпагина еще то, что совещание будет вести главный инженер. «Был бы директор, с тем было бы проще – предъявил бы ему на каждого, кто за кульманом, справку и – все... Ну, поорал бы он для порядка. А этот... Он только кажется безобидным».

С главным инженером у Шпагина отношения были натянуты до предела. Три года назад Смирнов в присутствии Шпагина наставлял главбуха, как тому избавиться от одной, провинившейся в чем-то работницы бухгалтерии.

– Что вы! Никаких сокращений! – говорил Смирнов менторским тоном. – По сокращению ее не уволишь: молодая мать, и все прочее. Закон на ее стороне! Надо создать ей условия, чтобы она сама подала заявление!

И тут же он выдал такой арсенал средств создания невыносимых условий, что выдавший виды бухгалтер и Шпагин, тоже не новичок в этой жизни, раскрыли рты в изумлении.

«Крокодил какой-то, иезуит!» – поделился Шпагин с двумя близкими ему коллегами впечатлением от услышанного, и буквально на другой день Смирнов стал с ним неузнаваемо резок. Придирки, упреки, нотации, язвительные реплики на совещаниях – постоянно. Главный прямо съедал Шпагина и, если бы не объективность директора, ему давно бы уже здесь не работать.

А этой весной Шпагин снова попался впросак. В понедельник, перед самой планеркой, кто-то польстил Смирнову, сказав, что выглядит он очень свежо. Тот разулыбался и рассказал про рыбалку в субботу, по последнему, наверное, льду. То, что он рассказал, Шпагину до сих пор часто снится ночами. Один из рыбаков, куда Смирнов приехал с друзьями, зашел на глубокое место и провалился. Начал выбираться, но не мог – лед уже хрупкий, крошится, и тяжело: одежда намокла. Люди, рыбачившие неподалеку, стали бросать ему веревку, но она была слабой и несколько раз рвалась. Течение сильное, холодно. Рыбак быстро выбивался из сил. Еще раз обвязавшись веревкой. Он сделал отчаянную попытку спастись, и снова не выбрался. «Все, устал я», – донесли его слова до спасающих. Он положил голову на лед и затих.

– Настроение, конечно, испортилось, – продолжал Смирнов свой рассказ, – смотришь на сторожок, а видишь, как он коченеет. Ни телефона поблизости нет, ни населенного пункта. Вечером, по дороге домой, позвонили в милицию, в скорую помощь... А клев был отменный!

Шпагин как будто и не был на этой планерке. В мыслях, он был на реке, в полынье, в мокрой, тянувшей на дно, одежде. Будто это его ногти срывали обрушавшийся лед, будто его тело коченело от холода. «Какое же сердце надо иметь – сидеть и преспокойненько удить! Ведь на глазах человек погибает!» – потрясенно сказал он, выходя с совещания. Утром Смирнов не ответил на «здравствуйте» Шпагина, демонстративно отвернулся при встрече.

– Что ж, надо готовиться к разговору, – вздохнул Шпагин и сказал Скокову, – давай, зови сюда всех. Потом займемся твоими вопросами.

Скоков понимающе кивнул головой и захромал к выходу. Минут через пять в кабинет Шпагина втащились трое мужчин предпенсионного возраста – один из них Скоков – и пять женщин изнуренного вида. Шпагин печально рассматривал их. Когда все напряженно притихли, сказал:

– Сложная ситуация, товарищи. Опять пришла разрядка на консервный завод. В два часа меня приглашают на совещание по этому поводу, значит, рассчитывают и на нашу помощь консервщикам. Давайте думать, какую помощь можем мы оказать.

Реакция – глухое молчание.

– Ну, хорошо, – вновь обращается Шпагин к коллегам, – желающих идти добровольно, как понимаю я, нет?.. Давайте рассмотрим эту проблему с другой стороны... Поднимут меня на совещании и спросят: почему никого нет от отдела? Что мне сказать? Вооружайте меня. Нужны уважительные причины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.